

Министерство образования и науки Российской Федерации  
Федеральное агентство по образованию  
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Н.Н. Мехтиханова

**История отечественной психологии  
конца XIX – начала XX века  
(вклад врачей-физиологов и психиатров  
в становление психологической науки)**

*Текст лекций*

*Рекомендовано  
Научно-методическим советом университета  
для студентов специальности Психология*

Ярославль 2006

УДК 159.9  
ББК Ю 91(2)я73  
М 55

*Рекомендовано*  
*Редакционно-издательским советом университета*  
*в качестве учебного издания. План 2006 года*

Рецензенты:

доктор психологических наук Н.Л. Иванова;  
кафедра педагогической психологии Ярославского государственного  
педагогического университета им. К.Д. Ушинского;

**Мехтиханова, Н.Н.** История отечественной психологии конца XIX – начала XX века (вклад врачей-физиологов и психиатров в становление психологической науки): текст лекций / Н.Н. Мехтиханова ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – с.

Данная работа представляет собой первый шаг в цикле работ, посвященных обзору важнейших достижений отечественной науки с момента обретения психологией самостоятельности (конец XIX века). Для наилучшего понимания и усвоения огромного фактического материала по предмету нами был выбран принцип персоналистического описания в рамках определенного исторического периода. Его эффективность доказана в ходе многолетнего преподавания курса «Истории психологии», хотя он, безусловно, является простейшим, начальным вариантом анализа исторических процессов. В предлагаемой работе немалое внимание уделяется биографиям великих ученых, что, на наш взгляд, имеет не только познавательное, но и огромное воспитательное значение.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020400 Психология (дисциплина «История психологии», блок ОПД), очной формы обучения.

УДК 159.9  
ББК Ю 91(2)я73

© Ярославский государственный университет, 2006  
© Н.Н. Мехтиханова, 2006

## Введение

История психологии, как никакая другая отрасль психологической науки, была долгое время и чрезвычайно сильно идеологизирована. В последнее десятилетие появилось много работ, в которых по-новому, объективно и полно раскрываются проблемы, этапы большого исторического пути российской психологии. Появляются новые имена психологов, внесших важный вклад в развитие науки, по-новому расставляются акценты. Все это, несомненно, важно для понимания настоящего состояния науки и прогнозирования её будущего.

Курс «История психологии» является одним из самых объемных курсов при подготовке психологов-профессионалов, его изучают практически во всех вузах, готовящих специалистов разных отраслей психологии. Курс оказывается важным, систематизирующим звеном в научной подготовке специалистов и выполняет ряд функций: воспитательную, мотивирующую, систематизирующую и другие. Главной целью преподавания курса является формирование у студентов умения критически оценить изученное, найти новые подходы к решению актуальных психологических проблем.

Как правило, большая часть курса «Истории психологии» посвящена истории зарубежной психологии. Отечественная история представлена в небольшом объеме учебных часов, что, на наш взгляд, является не самой лучшей традицией прошлого. В то же время самостоятельное изучение российской психологии студентами затруднено в силу отсутствия специальной литературы – учебников, пособий, недоступности первоисточников и пр.

Данная работа представляет собой первый шаг в цикле работ, посвященных обзору важнейших достижений отечественной науки с момента обретения психологией самостоятельности (конец XIX века). Для наилучшего понимания и усвоения огромного фактического материала по предмету нами был выбран принцип персоналистического описания в рамках определенного исторического периода. Его эффективность доказана в ходе многолетнего преподавания курса «Истории психологии», хотя он, безусловно, является

простейшим, начальным вариантом анализа исторических процессов. В предлагаемой работе немалое внимание уделяется биографиям великих ученых, что, на наш взгляд, имеет не только познавательное, но и огромное воспитательное значение.

Данная книга посвящена описанию психологического наследия врачей- психиатров и физиологов, сыгравших значительную роль в становлении и оформлении как общих методологических, теоретических вопросов, так и отдельных практических отраслей психологии. Некоторые имена знакомы студентам со школьных лет, при этом, как показывает опыт преподавания истории психологии, кроме самих имен и двух-трех поверхностных ассоциаций, студенты плохо представляют истинную роль «якобы знакомых» ученых в развитии современной науки. Поэтому мы предприняли попытку подробно познакомить студентов с наследием великих отечественных ученых.

# 1

## **Социально-культурные и общенаучные предпосылки становления и развития отечественной психологии конца XIX – начала XX века**

Характеристика основных направлений в отечественной психологии в конце XIX – начале XX столетий представлена в работах В.В. Аншаковой, Е.А. Будиловой, В.В. Большаковой, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской, Е.В. Левченко, Н.А. Логиновой, А.В. Петровского, В.А. Якунина и других исследователей. В ходе анализа конкретных психологических концепций указанные авторы дают исчерпывающее описание конкретных исторических предпосылок становления психологии как самостоятельной науки. Кратко изложим их (Аншакова В.В., 2004).

Россия второй половины XIX века переживала процесс смены феодализма капитализмом, что сказалось на темпах развития страны, на изменениях, происходивших в разных сферах общественной жизни и общественного сознания, на прогрессе культуры: увеличилась потребность в знаниях, в образованных людях для государственной службы, просвещения, промышленности, торговли, расширился спрос на научную литературу и периодические издания.

Смена общественного строя в России сопровождалась формированием быстрыми темпами славянских наций, присоединением инонациональных окраин, что послужило стимулом для развития национального самосознания народа. На этом культурном и научном фоне произошло интенсивное развитие психологии и выделение её в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Интерес к психологическому знанию, «возвышение роли личности», потребность в анализе внутреннего мира человека, его мыслей и чувств, ориентация на высокие нравственные идеалы и духовные ценности, склонность к самоанализу и рефлексии являлись подтверждением высокой антропологизации и глубокой психологизации российского общества в конце XIX – начале XX столетия.

Общий рост издательств и количества издаваемой литературы способствовал увеличению популярных и специализированных изданий, на страницах которых отражались проблемы профессиональных возможностей человека, индивидуальных качеств личности, вопросы воспитания и сохранения здоровья, проблемы мотивов и поступков поведения человека, что свидетельствует о значительной роли психологии в общественном сознании.

Установлено, что бурное развитие таких смежных с психологией наук, как физиология, философия, педагогика, этнография, антропология, лингвистика, юриспруденция и т.д., объясняет появление широкого спектра интересов к проблемам человека и возникновение в связи с этим фундамента новых отраслей психологической науки: педагогической психологии, детской психологии, социальной психологии, психологии труда, психологии аномального развития, психологии воспитания, криминальной психологии, юридической психологии и других отраслей. Это доказывает возрастающую роль психологии в обществе.

Логика развития психологического знания, осмысление его внутренних потребностей способствовали пересмотру методологических позиций, пониманию ограниченности интроспекции как теории и метода научного познания психических явлений, поиску новых объяснительных категорий и объективных методов исследования психической реальности, что нашло отражение в научной и публицистической полемике. Научные дискуссии в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX столетия показательны для психологии как развивающейся и обретающей статус самостоятельной научной отрасли знания.

Организация и открытие первых психологических лабораторий в России (1885, Казань; 1895, Москва; 1895, С.-Петербург; 1896, Одесса; 1901, С.-Петербург и другие), преподавание курсов психологии, как в светских, так и в духовных высших и средних учебных заведениях, обсуждение вопросов о введении и организации чтения курсов психологии на медицинских и юридических факультетах университетов (Чиж, 1890; Россолимо, 1906), обращение к психологии специалистов–практиков подтверждают наличие потребности в психологических знаниях широких слоев российского общества.

Развитию психологии как отрасли знаний о человеке способствовали возникающие новые научные центры – всероссийские об-

щества ученых разных специальностей. Философские, психологические, естественно-научные, юридические и другие научные общества концентрировали свое внимание на проблемах личности, её духовных, нравственных качествах и индивидуальных характеристиках (Русское географическое общество, 1845; Московское психологическое общество, 1889; Философское общество при С.-Петербургском университете, 1869; Юридическое общество при Московском университете, 1864; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1867; Антропологическое общество при Военно-медицинской академии, 1893; Русское общество охранения народного здоровья, 1877 и другие). Проблемы личности являлись предметом многочисленных научных диспутов на национальных съездах ученых разных отраслей знания (1 Всероссийский съезд естествоиспытателей, 1867; психиатрические съезды, 1887, 1905; съезды по педагогической психологии, 1906, 1909; по экспериментальной педагогике, 1911, 1913, 1916; съезды по семейному воспитанию, 1913, 1915 и другие) и в научных публикациях («Записках...», «Трудах...», «Протоколах...»), популяризирующих новейшие достижения науки и её очередные задачи.

Повышение научной квалификации отечественных психологов в зарубежных лабораториях (Бехтерев В.М., Сикорский И.А., Лазурский А.Ф., Чиж В.Ф., Корсаков С.С., Токарский А.А., Нечаев А.П. и другие ученые), их участие в международных форумах (1889, 1890, 1900, 1910 – Париж; 1893, 1911 – Брюссель; 1896, 1904, 1909 – Женева; 1892, 1907, 1908 – Лондон и др.) не только демонстрирует взаимные контакты исследователей и обмен мнениями, но и является показателем углубления и расширения исследовательских программ психологии.

Становлению проблематики педагогической психологии и психологии личности в России в этот период способствовали исследования, проводившиеся в русле детской и педагогической психологии. Работы К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, П.Ф. Лесгафта, А.С. Вирениуса, Н.П. Гундобина и других педагогов широко поднимали вопросы развития, воспитания и образования детей: изучались факторы, определяющие развитие ребенка, физическое и нравственное воспитание; выделялась роль семьи в развитии ребенка; подчеркивалось значение психогигиены; описывались и

классифицировались вредные привычки детей, разрабатывались рекомендации по их профилактике.

Перечисленные факты позволяют с достаточной убедительностью утверждать, что сложившаяся научная ситуация в психологии конца XIX – начала XX века была необыкновенно удачной для начала комплексного и углубленного изучения психологии в России.

Формирование и развитие отечественной психологии было обусловлено потребностями практики – педагогической, медицинской, юридической, производственной – в экспериментальных данных. Особенно остро это ощущалось в области психиатрии, нуждающейся в точном экспериментальном исследовании как условия правильной диагностики и лечения патологических психических состояний. Не случайно у истоков развития отечественной экспериментальной психологии стояли известные психиатры – В.М. Бехтерев, Н.А. Бернштейн, С.С. Корсаков, А.Ф. Лазурский, Г.И. Россолимо, И.А. Сикорский, А.А. Токарский, В.Ф. Чиж, ставшие создателями первых экспериментальных психофизиологических лабораторий на базе психиатрических клиник. Несмотря на разнообразие теоретических подходов и идейных позиций представителей этого направления, их объединяла ориентация на экспериментальное изучение психики.



# **2 СЕЧЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ: основание экспериментального подхода в психологии**

## **Биографический очерк**

Сеченов Иван Михайлович – известный русский естествоиспытатель, «отец русской физиологии» и основоположник материалистической психологии в России.

Родился Иван Михайлович Сеченов 1(13) августа 1829 г. в селе Теплый стан Симбирской губернии (ныне село Сеченово) в дворянской семье. В 1848 г. И.М. Сеченов окончил в Петербурге военное Инженерное училище, получив высшее инженерно-техническое образование, а затем поступил в 1850 г. на медицинский факультет Московского государственного университета. На 3-м курсе он увлекся психологией, считавшейся тогда философской дисциплиной, и эта, по его словам, «московская страсть к философии» сыграла впоследствии важную роль в его работе. Окончив университет, он отправился в Германию в лаборатории Гельмгольца, Людвиг, Дюбуа – Реймона и др. Вернувшись в 1860 году на родину, Сеченов создал в Петербургской медико-хирургической академии первую физиологическую школу, имевшую поначалу физико-химическое направление. Позже, в 1870 г., Сеченов покинул академию и до 1876 г. заведовал кафедрой физиологии Новороссийского университета.

В то время когда Сеченов работал в медико-хирургической академии, для него самым важным было доказать на опыте, что воля, веками считавшаяся исходящей от души силой, производится «маленьким кусочком мозгового вещества». В накаленной атмосфере споров о душе Сеченов приступает к экспериментам над мозгом, в ходе которых открывает так называемые тормозные центры, раздражение которых задерживает двигательную активность. Это было великим открытием. Как свидетельствовал сеченовский эксперимент, самый верный признак волевого поведения – умение противостоять раздражителям, задерживать нежелательные им-

пульсы. И все эти признаки зависят от деятельности головного мозга.

Этому открытию и была посвящена статья Сеченова «Рефлексы головного мозга», вошедшая в книгу «Психологические этюды» (1863). Тракта́т получил широкий резонанс в русском обществе, журналистике, литературе. По свидетельству современников, в России не считался образованным тот, кто его не прочитал. Сеченов, бросая вызов психологии старого закала, утверждал: «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к Родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создаст ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение».

Идеи сеченовского трактата не были приняты безоговорочно: слово «рефлекс» имело в ту пору единственный смысл – механическая реакция, подобная движению ножки лягушки при раздражении ее кислотой. В понимании простого народа приравнять человека с его «тонкой душой» и свободной волей к этой лягушке, на которой Сеченов делал свои опыты, казалось кощунством.

Известно также, что труд Сеченова «Рефлексы головного мозга» подвергся судебному преследованию со стороны Главного управления по делам печати царской России как книга, ведущая «к развращению нравов». Приказ об аресте сеченовской книги последовал сразу после того, как студент Дмитрий Каракозов стрелял в императора Александра II. Сам Сеченов в полицейских донесениях был назван «главным теоретиком в нигилистическом кружке». В книге просматривалась близость Сеченова к революционно-демократической интеллигенции (дружба с Чернышевским), что и послужило причиной возникновения разных слухов. По одному из них, Сеченов являлся прототипом доктора Кирсанова – одного из героев романа Чернышевского «Что делать?».

Наиболее развёрнутым ответом на «Рефлексы головного мозга» со стороны идеалистического лагеря явилась вышедшая в 1872 г. книга профессора-юриста К.Д. Кавелина «Задачи психологии», основным содержанием которой была критика материалистического понимания психики вообще и воззрений Сеченова в частности. Отвечая на критику, Сеченов наметил свой план построения психологии как опытной науки в статье «Кому и как

разрабатывать психологию». Кавелин вместе с другими противниками Сеченова истолковывал его позицию так, словно он лишает психологию самостоятельности, превращая ее в придаток физиологии. Сам Сеченов за основу своей программы принял постулат о «родственности» психического и физиологического «по способу происхождения», т.е. по механизму совершения.

После первого психологического трактата Сеченов опубликовал «Физиологию нервной системы» (1866) и «Физиологию органов чувств» (1867). Последняя работа направляла мысль Сеченова непосредственно в область психологии, где на рубеже 70-х гг. XIX столетия происходили события, которые привели к независимости этой науки и от философии, и от физиологии.

Критика Сеченова идеалистами продолжалась в 80-х и в 90-х годах. Эта дискуссия являлась выражением наиболее острой формы борьбы материализма и идеализма в русской психологии конца XIX в. В 1881 г. Остроумов опубликовал книгу «О физиологическом методе в психологии», составленную из отдельных критических статей против Сеченова, первоначально печатавшихся в официальном органе церкви – журнале «Вера и разум». Прежде всего, Остроумов осмеивает всякую физиологическую психологию за отрицание самостоятельности души. В этой связи он обрушивается также и на Вундта, несмотря на ряд уступок последнего классической интроспективной психологии. Особенное порицание Остроумова вызвала попытка Сеченова свести психические явления по их происхождению к физиологическим процессам. Главная задача сочинения Остроумова заключалась в том, чтобы показать одиночество Сеченова в физиологии и его конфликт с господствовавшей физиологией органов чувств, опиравшейся в своих философских основах на кантианские традиции. Большой заслугой русской передовой науки 70 – 90-х годов в целом является та идейная поддержка, которая была оказана Сеченову в его борьбе за основание научной психологии. Великие русские учёные и мыслители Менделеев и Тимирязев, замечательный русский естествоиспытатель и педагог Лесгафт, крупнейшие психиатры Корсаков и Бехтерев встали на защиту сеченовских позиций в психологии, отстаивая в них выражение передовых тенденций всего русского естествознания

Умер Иван Михайлович Сеченов в 1905 г. на 76-м году жизни, оставив после себя колоссальное наследие в области психологии и медицины и множество учеников. На родине Сеченову воздвигнут памятник, а в 1955 г. имя Сеченова присвоено Московскому медицинскому институту.

### **Основные научные положения**

И.М. Сеченовым был осуществлен переворот в психологии, состоящий в радикальном перемещении отправного пункта научного исследования с данных феноменов сознания, веками считавшихся первой реальностью, на объективное, психически регулируемое поведение, познаваемое, подобно другим явлениям науки, но только опосредованно.

В своей программе преобразования психологии в самостоятельную опытную науку Сеченов возлагал главные надежды на объективный метод – наблюдения за генезисом и эволюцией индивидуального поведения. Но он не смог преобразовать свою теоретическую модель в экспериментальную программу, в чем заключалась слабая сторона его плана разработки психологии (этим занялись его последователи Павлов, Бехтерев и др.). Развивая свои мысли о построении психологии физиологами, Сеченов исходил из того, что психология лучше всего может быть разработана с помощью физиологических методов, вскрывающих механизм психических явлений. Эти методы он противопоставлял методу самонаблюдения как единственному методу субъективной психологии.

Необходимо, однако, отметить, что Сеченов не ограничил научную психологию одним лишь физиологическим методом. Он всегда подчёркивал роль генетического метода в психологии. В работах «Кому и как разрабатывать психологию» и «Элементы мысли» Сеченов поставил перед собой задачу проследить развитие сложных психических форм из элементарных. Отсюда внимание его к психологии животных, психологии ребёнка, к вопросам исторического развития представлений, мышления и речи. Критикуя субъективную психологию, целиком основанную на самонаблюдении, Сеченов не отбрасывал совсем метода самонаблюдения, считая, что одна из выдающихся сторон психических явлений – сознательный элемент – может подлежать исследованию только на самом себе, при помощи самонаблюдения. Он дал и прямой образец

использования самонаблюдения в экспериментальном исследовании о влиянии раздражения чувствующих нервов на мышечную работу человека, в котором полученные данные подтвердились и физиологическим экспериментом.

Глубинные преобразования в категории рефлексов открыли перспективу нового понимания предмета психологии. В работе «Кому и как разрабатывать психологию» (1873) Сеченов определяет ее как «науку о происхождении психических деятельностей». Термин «происхождение» следует пояснить. Задача науки виделась в том, чтобы объяснить, каким образом совершаются (происходят) различные деятельности (восприятие, память, мышление и т.п.). Они строятся по типу рефлекса, т.е. также являются «трехчленными» (имеют начало, середину и конец). Они включают вслед за восприятием среды и его переработкой в головном мозге ответную работу двигательного аппарата. Впервые в истории психологии предмет этой науки охватывал не только явления и процессы сознания (или бессознательной психики), но и весь цикл взаимодействия организма с миром, включая его внешние телесные действия. Психологическая программа Сеченова базировалась на дарвиновской модели организма как системы, неотделимой от среды и активно адаптирующейся к ней. Сеченов надеялся, что благодаря научным представлениям о мозге удастся «создать» людей-«рыцарей», которые обязательно будут совершать только высоконравственные поступки с неотвратимостью зрачкового рефлекса на свет. Это была «сциентистская» иллюзия, которая отражала социальный смысл экспериментов Сеченова над мозгом.

Сеченов начал строить свою психологическую систему, основываясь на понятии «рефлекса». Он делает набросок «мозговой машины», понимая под ней не простое передаточное устройство внешнего раздражителя на движение, а механизм, снабженный несколькими центральными придатками (всего их – четыре), от действия которых и зависит конечный эффект внешнего импульса. Эта «машина», по Сеченову, способна объяснить основные свойства человеческого поведения.

Безусловно, эта модель Сеченова была заметно откорректирована впоследствии, но главное было сделано – намечен новый естественнонаучный способ объяснения психических актов, выступивших как действия «мозговой машины», а не бессубстратной души.

Первичными для Сеченова являлись взаимодействия организма и среды, а психические продукты – производными от них. Однако методологические ресурсы сеченовской программы были ограничены: сознание человека непостижимо вне влияния социальных факторов. Сеченов же знал только один вид детерминации – биопсихический. Поэтому бесперспективность его замыслов ограничивалась пределами сигнально-психической регуляции поведения организма. Уже в своём первом психофизиологическом труде Сеченов трактует рефлекс как отражение в широком смысле слова, возникающее в результате раздражения со стороны внешнего мира чувствующей поверхности, составляющей часть нервного механизма.

Сеченов показал, что рефлекторный механизм характеризует не только спинномозговую деятельность, но и деятельность головного мозга, являющегося непосредственным материальным субстратом психики.

Не все адекватно поняли сеченовский замысел. Противники Сеченова утверждали, будто он свел все богатство душевной жизни к дрожанию мышц. Но истинный смысл его теории был другим. Сеченов не отождествлял психический акт с рефлекторным. Он указывал на сходство в их строении. Психологию он называл родной сестрой физиологии, а не ее придатком. Он смог соотнести рефлекс с психикой благодаря тому, что само понятие о рефлексе было им радикально преобразовано так же, как и понятие о психике.

За импульс, который пускает в ход рефлекс, классические схемы принимали физический стимул. Согласно же Сеченову, начальным звеном рефлекса является не внешний, механический толчок, а раздражитель – сигнал. На различие между раздражителем – стимулом, и раздражителем – сигналом, следует обратить особое внимание. Действие стимула ограничено возбуждением нервных волокон. Сигнал же играет двоякую роль. Он связан и с организмом, который его воспринимает, и с внешней средой, свойства которой он различает. Благодаря этому он информирует организм о ситуации, к которой должны приладиться рабочие органы (мышцы). Последние обладают чувствительностью. В них встроены сенсорные приборы, которые передают в мозг сигналы о достигнутом эффекте, вынуждая, если потребуется, автоматически корректировать поведение. Модель рефлекторной дуги Сеченов заменил моделью рефлекторного кольца. Если кольцо не замыкается, действие нару-

шается. В качестве примера приводилось поведение больных (атактиков), у которых расстроена мышечная чувствительность. Им очень трудно ходить из-за того, что они не ощущают почвы (их мозг не получает «обратных» сигналов из мышц), хотя сами мышцы не поражены.

Саморегуляция поведения организма посредством чувствований – сигналов – таковым было физиологическое основание сеченовской схемы психической деятельности.

Благодаря этому аппарату возникают и незримые акты мышления. Сеченов писал, что «около самого сердца» он выносил мысль, согласно которой мышца является органом не только движения, но и познания. С ее помощью организм воспринимает объекты внешней среды (в построении зрительного образа, например, важную роль играют как бы бегающие по предметам, непрерывно работающие мышцы глаз), сравнивает их, анализирует, т.е. производит операции, которые уже являются умственными. Механизм торможения задерживает внешнее выражение этих действий. Однако они не исчезают. Из внешних они преобразуются во внутренние. Впоследствии этот процесс был назван интериоризацией (переходом извне вовнутрь).

Одним из первых и важнейших положений, сформулированных Сеченовым в физиологии центральной нервной системы, было установление целостности нервного акта, единой природы его чувственной, центральной и двигательной деятельности. Сеченов сформулировал основную аксиому психологии так: «Мысль о психическом акте как процессе, движении, имеющем определенное начало, течение и конец, должна быть удержана как основная». Сеченов подчёркивал невозможность правильно анализировать механизм движений без их чувственного компонента (ощущение, впечатление), равно как неправомерность любого противопоставления центра периферии в работе нервного аппарата. Большое внимание уделял Сеченов работе органов чувств для понимания деятельности центральной нервной системы; это определялось важнейшим его материалистическим тезисом: «Нервная система не может работать иначе, как за счет внешних сил». Зависимость нервной системы от внешнего мира, возбуждающего её деятельность, осуществляется прямо и непосредственно органами чувств, функциями которых являются ощущение, чувствование.

Сеченов считал, что «чувствование тоже можно рассматривать как своеобразную работу, входящую звеном в цепь других рабочих процессов животного организма». Эта своеобразная работа заключается в переработке нервной системой воздействий внешнего мира.

В характеристике центрального звена рефлекса Сеченов особенно подчёркивает его психический характер. Именно поэтому Сеченов отвергает идеалистическое понимание психических процессов как процессов самостоятельных и настаивает на понимании их как интегральной части нервного процесса. В таком плане психический элемент – сознание – невозможно оторвать от своего начала – внешнего импульса и от своего завершения – поступка, действия. Во всех своих трудах как по физиологии центральной нервной системы, так и по психологии Сеченов всегда стремится показать единство нервно-психического процесса.

Исследовательская мысль Сеченова шла от общего понимания закона центрально-нервных процессов к психофизиологическому пониманию конкретных проявлений высшей нервной деятельности. Особенно важным в этом отношении оказалось открытие им явления центрального торможения, которое дало ему возможность показать чувственную основу происхождения произвольного действия и с наибольшей яркостью обнаружило возможность и необходимость двухстороннего психофизиологического исследования в этой пограничной области. До него считалось, что в головном мозге протекает только один нервный процесс – возбуждение. Сеченов обнаружил в эксперименте способность головного мозга задерживать рефлексы. Это открытие он истолковал как нервный механизм психических функций – воли и мышления. Волевого человека отличает умение противостоять неприемлемым для него влияниям, какими бы сильными они ни были, подавлять нежелательные влечения. Это и достигается аппаратом торможения.

Очень интересны и исследования в области психофизиологии органов чувств, где Сеченов развил весьма плодотворное учение об органах чувств как об «аналитических снарядах», впоследствии развитое Павловым в его учении об «анализаторах».

Не менее существенной является и его теория взаимодействия органов чувств. Так, например, общность зрения и осязания, по Сеченову, заключается в том, что только они обладают способностью свои впечатления относить к производимым причинам, в то



время как другие виды чувствительности приобретают эту способность лишь во взаимодействии со зрением и осязанием. Рассматривая деятельность как реальные встречи человека с внешним миром, как основу психического развития и познания, Сеченов прекрасно и глубоко очертил роль зрения и осязания в их совместной деятельности и их относительную ценность в различных условиях и в различных целях. Зрение даёт возможность отражения пяти качеств предмета: его очертаний или контуров, величины, формы, цвета и положения в пространстве (относительно глаза).

Сумма кожных ощущений разнообразнее по содержанию, так как за исключением цвета осязание включает в себя все зрительные категории и, помимо этого, тепло, гладкость или шероховатость, твёрдость, упругость или мягкость воспринимаемой поверхности. В своём сочетании зрение и осязание дают возможность многостороннего активного чувственного познания внешнего мира. Согласно Сеченову, ведущую роль играет при этом рука как одновременно чувствующее и действующее орудие, что наиболее ярко обнаруживается у слепых. Являясь органом активного осязания, руки служат человеку подвижно во всех тех направлениях, что и глаза (вверх, вниз, вправо, влево и т.д.). Осязательную поверхность, эквивалентную сетчатке глаза, представляет ладонь. Рука же в целом с её подвижностью во всех сочленениях служит аппаратом, перемещающим осязательную поверхность ладони в пространстве, и часто играет ту же роль в актах пространственного осязания, что и мышечный аппарат глаз.

Специально анализирует Сеченов значение мышечного чувства как общего компонента ряда сложных чувствований. Оригинально обрисовав генезис мышечного чувства в процессе развития человека, Сеченов показывает, как движение, в частности ходьба, превращает мышечное чувство в измеритель или drobный анализатор пространства и времени.

Исследования и идеи Сеченова об ощущениях и деятельности органов чувств заслуживают самого глубокого внимания психологов и физиологов.

Рассматривая проблему произвольных действий и происхождения их из непроизвольных движений, Сеченов раскрывает своё материалистическое понимание эмоций и воли, представлений, памяти и мышления. При изучении представлений и памяти Сече-

нов, продолжая в целом развивать ассоциативную теорию памяти, идёт дальше неё главным образом в генетическом анализе этих процессов. В разработке этой проблемы Сеченовым важно отметить выяснение им роли усвоения исторического опыта отдельным человеком в развитии его памяти. Необходимо также отметить, что в трактовке Сеченова память не сводится к одному лишь запечатлению, а характеризуется, прежде всего, типом организации запечатлеваемых представлений, связанной с произвольной деятельностью человека.

Сеченов проявляет особый интерес к проблеме мышления. С его точки зрения познание не ограничивается чувственным опытом, но развивается от чувственного восприятия к предметному мышлению, анализ которого дан Сеченовым с очень большой полнотой и глубиной. В специальных работах о мышлении он подробно анализирует генезис основных форм мышления, к которым он относил анализ, синтез и классификацию. При этом он опирается главным образом на добытый им самим материал наблюдений над развитием мышления ребёнка. В проблеме ощущения и восприятия Сеченов стоял на последовательно материалистической точке зрения, опираясь при этом на достижения естествознания. Но для правильного разрешения проблемы мышления и речи этого было недостаточно. Отождествляя мышление с речью, рассматривая мысль лишь как заторможённую речь, Сеченов превратил частную особенность речи – символизацию – во всеобщий закон мышления.

Сеченов был смелым преобразователем физиологии и психологии. Он был одним из лучших представителей славных традиций передовой русской общественной мысли в русской науке 60 – 90-х годов. Сеченов положил начало экспериментальным физиологическим исследованиям центральной нервной системы, в частности – головного мозга, участвовал в создании рефлексорной теории психической деятельности животных и человека, фактически создал объективную психологию, заложил основы физиологии труда, возрастной физиологии и др. Он также сделал важный вклад в естественно-научное обоснование таких проблем психологии, как вопрос о природе чувственного отражения и его познавательной функции, о связи и переходе от чувственного отражения к мышлению и о природе мыслительных процессов, о роли предметной, практической деятельности в формировании образа и психических способностей.

# **3 БЕХТЕРЕВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ: вклад в экспериментальную психологию, психологию личности**

## **Биографический очерк**

Владимир Михайлович Бехтерев, известный русский невролог, невропатолог, психолог, психиатр, морфолог и физиолог нервной системы, родился 20 января 1857 г. в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии в семье мелкого государственного служащего. В августе 1867 г. он начал занятия в Вятской гимназии, а поскольку Бехтерев еще в юности решил посвятить свою жизнь невропатологии и психиатрии, после окончания семи классов гимназии в 1873 г. он поступил в Медико-хирургическую академию.

В 1878 г. окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге, был оставлен для дальнейшего обучения на кафедре психиатрии у И.П. Мерзеевского. В 1879 г. Бехтерев был принят в действительные члены Петербургского общества психиатров.

4 апреля 1881 г. Бехтерев успешно защитил докторскую диссертацию по медицине на тему «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных болезней» и получил ученое звание приват-доцента. В 1884 г. Бехтерев отправился в командировку за границу, где занимался у таких известных европейских психологов, как Дюбуа-Реймон, Вундт, Флексиг и Шарко.

После возвращения из командировки Бехтерев начинает читать курс лекций по диагностике нервных болезней студентам пятого курса Казанского университета на кафедре душевных болезней. Бехтерев обеспечил преподавание этого предмета устройством клинического отделения в казанской окружной лечебнице и психофизиологической лаборатории при университете; учредил Общество невропатологов и психиатров, основал журнал «Неврологический вестник» и выпустил ряд своих работ, а также работ своих учеников по различным отделам невропатологии и анатомии нервной системы.

С 1893 г. Казанское неврологическое общество стало регулярно издавать свой печатный орган – журнал «Неврологический вестник», который выходил до 1918 г. под редакцией Владимира Михайловича Бехтерева.

К психологии Бехтерев пришел от неврологии и психиатрии, которыми занимался в Казанском университете. Здесь в **1885** г. он организовал так называемую психофизиологическую лабораторию. Это было **первое в России психологическое научно-исследовательское учреждение.**

Весной 1893 г. Бехтерев получил от начальника Петербургской военно-медицинской академии приглашение занять кафедру душевных и нервных болезней. Бехтерев прибыл в Петербург и начал создавать первую в России нейрохирургическую операционную.

В 1894 г. Бехтерев был назначен членом медицинского совета Министерства внутренних дел, а в 1895 г. он стал членом Военно-медицинского ученого совета при военном министре и тогда же членом совета дома призрения душевнобольных.

В ноябре 1900 г. двухтомник «Проводящие пути спинного и головного мозга» был выдвинут Российской академией наук на премию имени академика К.М. Бэра. В 1902 г. он опубликовал книгу «Психика и жизнь». К тому времени Бехтерев подготовил к печати первый том работы «Основы учения о функциях мозга», которая стала его главным трудом по нейрофизиологии.

В 1907 – 1912 гг. увидела свет трехтомная «Объективная психология» Бехтерева. Она была переведена на немецкий, французский, английский языки и стала важной вехой в истории современной психологии, что отмечают и зарубежные исследователи (Флюгель, Уотсон, Боринг и др.). Впоследствии Бехтерев выдвинул программу создания новой науки, названной им рефлексологией.

В 1908 году Бехтерев создал Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге и стал его директором. После революции в 1918 году Бехтерев обратился в Совнарком с ходатайством об организации Института по изучению мозга и психической деятельности. Когда институт был создан, Бехтерев занял должность директора и оставался им до самой смерти. Институт по изучению мозга и психической деятельности был впоследствии назван Государственным рефлексологическим институтом по изучению мозга им. В.М. Бехтерева.

В 1927 г. Бехтереву было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Умер Бехтерев неожиданно и быстро. Настолько неожиданно и быстро (отравился консервами поздно вечером, а ночью его уже не стало), что возникла легенда: будто кто-то отравил его специально ради неразглашения тайны диагноза, поставленного им И.В. Сталину. Это случилось 24 декабря в Москве, в 1927 году.

### **Организаторская деятельность В.М. Бехтерева**

В.М. Бехтерев был убежден, что государству и обществу нужны люди, понимающие, что такое человек, знающие законы развития психики, пути воспитания и обучения детей, условия формирования здоровой и нравственной личности. Огромной заслугой Бехтерева перед отечественной психологией было создание им различных печатных периодических изданий по психологическим наукам и организация научных учреждений.

В.М. Бехтерев был редактором изданий, в которых рассматривались актуальные проблемы психологии – «Вопросы изучения и воспитания личности», «Педологический вестник», «Вестник Знания», «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии».

Открытие в Казани в 1885 году первой в России лаборатории экспериментальной психологии является важнейшей исторической вехой в становлении отечественной психологии. При организации лаборатории Бехтерев опирался, в частности, на опыт В. Вундта, с которым познакомился в зарубежной командировке. Однако собственный подход Бехтерева отличался принципиальной новизной.

В обеих лабораториях разрабатывались сходные психологические проблемы: изучались различные виды чувствительности и их временные характеристики. Однако отличительная особенность бехтеревской лаборатории заключалась в методологических позициях, определявших принципы исследования и общие подходы к получению научных фактов и их интерпретации. Бехтерев исходил из естественно-научных материалистических взглядов.

Для Вундта предметом психологии выступало сознание, а его материальному субстрату – мозгу – внимания не уделялось. Изучение сознания велось субъективно, методом интроспекции – изолированного самонаблюдения специально натренированных экспер-

тов. Физиологические методы лишь дополняли и уточняли показания самонаблюдения. Бехтерев считал, что методы психологических исследований должны быть объективными.

Кроме того, в лаборатории Бехтерева осуществлялся системный подход к изучению человека и, в частности, использовался сравнительный метод анализа объективно полученных данных. Сопоставлялись данные, полученные на человеке в условиях лабораторного эксперимента и путем наблюдений над больными в неврологической и психиатрической клиниках, при изучении поведения человека и животных (обезьян), при исследовании гистологических срезов мозга и патологоанатомических препаратов мозга больных после их смерти и др.

Для проведения экспериментов в лаборатории, кроме стандартного лабораторного оборудования, использовались приборы, сконструированные самими сотрудниками лаборатории: большая схематическая модель проводящих путей головного и спинного мозга, выполненная на основе исследований в области анатомии центральной нервной системы (в том числе исследований Бехтерева); пневмограф – аппарат для записи дыхательных движений; рефлексометр – прибор для записи коленных рефлексов; рефлексометр – аппарат для измерения силы коленного рефлекса. Практически все эти приборы и аппараты предложены и сконструированы Бехтеревым.

За относительно небольшой период существования лаборатории ее сотрудники провели и опубликовали около 30 исследований. Собственно психологические разработки занимали небольшую часть их общего объема: исследование М.К. Валицкой, содержащее данные психометрического изучения больных, страдающих нервными расстройствами; работа Е.А. Геника и Б.И. Воротынского, посвященная психометрическому обследованию людей, находящихся в состоянии гипноза; исследование П.А. Астанкова и М.М. Грана, представляющее результаты измерения скорости психических процессов у испытуемых в разное время дня.

Таким образом, все эти исследования относились к области психометрики и были выполнены на клиническом материале. Их значение чрезвычайно велико: это были, по сути, первые исследо-

вания, в которых оформлялись общие принципы организации психологического эксперимента

Организованный В.М. Бехтеревым в 1908 году Психоневрологический институт явился уникальным научным, учебным и практическим учреждением, включавшим ряд лабораторий: психологическую, рефлексологическую, анатомическую, физиологическую, антропологическую. Сюда же относились: Педагогический институт, нервно-хирургическая клиника, вспомогательная школа для нервнобольных и слабоумных детей. Психоневрологический институт готовил педагогов, врачей, юристов, давая специалистам широкие антропологические знания, среди которых большое внимание уделялось психологическому образованию.

Дальнейшее развитие комплексные исследования человека получили в созданном Бехтеревым в 1918 году Институте по изучению мозга и психической деятельности. В проекте его структуры предусматривались: отдел мозга (подотделы – анатомии, физиологии и биохимии мозга), отдел рефлексологии с подотделами индивидуальной и коллективной рефлексологии, патологической рефлексологии, подотдел сравнительной психологии народов, зоорефлексологии и т.д. Уже из перечня этих подразделений можно видеть, что Бехтерев задумывал широко развернуть междисциплинарные исследования человека. Впоследствии структура института не раз претерпевала изменения, упрощалась, но установка на комплексность оставалась неизменной.

### **Вклад в физиологию и неврологию**

В 1883 г. Бехтерев был удостоен серебряной медали Общества русских врачей за статью «О вынужденных и насильственных движениях при разрушении некоторых частей центральной нервной системы». В этой статье Бехтерев обращал внимание на то, что нервные болезни часто могут сопровождаться психическими расстройствами, а при душевных заболеваниях возможны и признаки органического поражения центральной нервной системы.

В 1892 г. Бехтеревым была описана «одеревенелость позвоночника с искривлением его как особая форма заболевания» (сейчас более известна как болезнь Бехтерева, анкилозирующий спондилоартрит, ревматоидный спондилит). Бехтерев также выделил такие заболевания, как хореическая падухая, сифилитический

множественный склероз, острая мозжечковая атаксия алкоголиков. Эти, а также другие впервые выявленные ученым неврологические симптомы и ряд оригинальных клинических наблюдений нашли отражение в двухтомной книге «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», изданной в Казани.

В фундаментальном семитомном труде «Основы учения о функциях мозга» были собраны и систематизированы общие положения о деятельности мозга. Так, Бехтерев представил энергетическую теорию торможения, в соответствии с которой нервная энергия в мозге устремляется к находящемуся в деятельном состоянии центру. По мнению Бехтерева, эта энергия как бы стекается к нему по связующим отдельные территории мозга проводящим путям, прежде всего из вблизи расположенных территорий мозга, в которых, как считал Бехтерев, возникает «понижение возбудимости, следовательно, угнетение».

Работы Бехтерева по изучению морфологии мозга внесли бесценный вклад в развитие отечественной психологии. Его, в частности, интересовал ход отдельных пучков в центральной нервной системе, состав белого вещества спинного мозга и ход волокон в сером веществе, и вместе с тем на основании произведенных опытов ему удалось выяснить физиологическое значение отдельных частей центральной нервной системы (зрительных бугров, преддверной ветви слухового нерва, нижних и верхних олив, четверохолмия).

Занимаясь непосредственно функциями мозга, Бехтерев открыл ядра и проводящие пути в мозге; создал учение о проводящих путях спинного мозга и функциональной анатомии мозга; установил анатомофизиологическую основу равновесия и пространственной ориентации, обнаружил в коре головного мозга центры движения и секреции внутренних органов и т.д.

Также он описал целый ряд физиологических и патологических рефлексов, симптомов и синдромов. Открытые Бехтеревым физиологические рефлексы (лопаточно-плечевой, рефлекс большого веретена, выдыхательный и др.) позволяют определить состояние соответствующих рефлекторных дуг, а патологические (тылостопный рефлекс Менделя – Бехтерева, запястно-пальцевой рефлекс, рефлекс Бехтерева – Якобсона) отражают поражение пирамидных путей. Симптомы Бехтерева наблюдаются при раз-



личных патологических состояниях: спинной сухотке, седалищной невралгии, массивных мозговых инсультах, ангиотрофоневрозах, патологических процессах в оболочках основания мозга и т.д.

Для оценки симптомов Бехтерев создал специальные приборы (альгезиметр, позволяющий точно измерять болевую чувствительность; барэстезиометр, измеряющий чувствительность к давлению; миоэстезиометр – прибор для измерения чувствительности и т.д.).

**Вклад В.М. Бехтерева в психиатрию, патопсихологию и психотерапию.** В.М. Бехтерев постоянно повторял, что правильное психическое развитие и здоровье каждой личности составляет основу государственного благосостояния страны.

Важнейшим принципом деятельности В.М. Бехтерева было целостное изучение человека во всех проявлениях нормы и патологии.

В.М. Бехтерев не считал изучение психики душевнобольных ключом к познанию внутреннего мира здоровых, хотя при этом подчеркивал важность «изучения ненормальных проявлений психической сферы, поскольку они освещают задачи психологии нормальных лиц». От нормы – к патологии, чтобы вернуть больному «нервно-психическое здоровье» – таким был путь мыслей психиатра. Поэтому и в научных психиатрических поисках школы В.М. Бехтерева психология нормального человека занимала почетное место.

Основными принципами патопсихологического исследования в школе В.М. Бехтерева были: использование комплекса методик, качественный анализ расстройства психики, личностный подход, соотнесение результатов исследования с данными здоровых лиц соответствующего возраста, пола, образования. Ведущим стал принцип качественного анализа, выдвинутый в период увлечения многих исследователей измерительными методами (подход к нарушениям психики как к количественному уменьшению тех или иных способностей). Использование комплекса методик – наблюдение за испытуемым по ходу эксперимента, учет особенностей его поведения вне экспериментальной ситуации, сочетание различных экспериментальных методик для исследования одних и тех же патологических явлений – способствовало получению богатого объективного материала. Представителями школы В.М. Бехтерева было разработано много методик экспериментально-психологического исследования душевнобольных. Некоторые из них (методика сравнения понятий,

определения понятий) вошли в число наиболее употребляемых в советской психологии. Бехтерев также разработал объективные методы изучения нервно-психического развития детей.

Сохранили значение для современной науки и сформулированные В.М. Бехтеревым и С.Д. Владычко требования к методикам: простота (для решения экспериментальных задач испытуемые не должны обладать особыми знаниями, навыками) и портативность (возможность исследования непосредственно у постели больного, вне лабораторной обстановки).

В области психиатрии заслуги В.М. Бехтерева чрезвычайно велики: это связь между нервными и психическими болезнями, психопатии и циркулярный психоз, клиника и патогенез галлюцинаций, описание ряда форм навязчивых состояний, различных проявлений психического автоматизма и многое другое.

В области работы с психическими и нервными заболеваниями, а также их профилактики Бехтерев был непревзойденным практиком. Для лечения нервно-психических заболеваний он ввел сочетательно-рефлекторную терапию неврозов и алкоголизма, психотерапию методом отвлечения, коллективную психотерапию. В качестве успокаивающего средства широко использовалась микстура Бехтерева.

В.М. Бехтерев считал, что на здоровье населения плодотворно влияет предотвращение различных социальных, политических, религиозных конфликтов.

Важным направлением исследований В.М. Бехтерев считал изучение возможностей труда как терапевтического и воспитательного средства для поддержания психического здоровья. Грамотное сочетание физического и умственного труда с учетом индивидуальных особенностей, по его мнению, открывает широкие возможности для восстановления психического здоровья.

Особое внимание в работах В.М. Бехтерева уделено творческой деятельности, её терапевтическим возможностям. В.М. Бехтерев расширил спектр лечебных и профилактических воздействий, направленных на сохранение и восстановление психического здоровья, обосновал благотворное влияние на психику музыки, различных физиотерапевтических процедур, культурного досуга.

Важным фактором психического здоровья В.М. Бехтерев считал активную общественную деятельность личности, считая её неотъемлемым условием здоровья всей нации. Особенно актуально

это звучит в аспекте воспитания таких качеств, как ответственность за свое психическое и физическое здоровье, ответственность за здоровье всего общества.

Речь Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни» на годичном собрании Военно-медицинской академии сыграла важную роль в отмене правительственного запрета на свободное применение гипноза. Но этот факт имел значение не только для медицинской практики, научный анализ проблемы внушения стал важным этапом в разработке методов психотерапии и психологии пропаганды. Поэтому остановимся несколько подробнее на содержании этой речи.

Речь Бехтерева через год была выпущена отдельной книгой, которая от переиздания к переизданию становилась все полней и глубже. Бехтерев говорил о внушении, о воздействии на психику словом. Главный акцент был направлен на мысль, что внушение – это давление, которое оказывают люди друг на друга словами, интонацией, мимикой, своими поступками. Внушение – это всякое «производимое на психику впечатление», попадающее в мозг помимо сознательного контроля разума. Бехтерев в своей речи также отмечал, что внушаемость помимо своих лечебных свойств имеет и оборотную сторону, участвуя в организации массовых психических безумий, ослеплении тысячных толп, населения деревень и городов, а порой и целых народов. Таким образом, внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы, по возможности, не было места критике и суждению.

Итак, внушение, с одной стороны, и убеждение – с другой, являются основными формами воздействия одного лица на другое. Словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств, не нуждаясь в логике. Пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения. Вот почему внушение, в общем, представляет собою более распространенный фактор, нежели убеждение. Несомненно,

менно поэтому, что внушение или прививание психических состояний играет особо видную роль в нашем воспитании, по крайней мере, до тех пор, пока логический аппарат ребенка не достигнет известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, усваиваемые с помощью так называемого механического заучивания и подражания, в которых немалую роль играет внушение или психическая прививка со стороны воспитателей и окружающих лиц.

### **Вклад Бехтерева в общую психологию**

После завершения работы над семью томами «Основы учения о функциях мозга» особое внимание Бехтерева стали привлекать проблемы психологии. Бехтерев говорил о равноправном существовании двух психологий: он выделял субъективную психологию, основным методом которой должна быть интроспекция, и объективную. Бехтерев называл себя представителем объективной психологии, считал возможным объективное изучение лишь внешне наблюдаемого, т.е. поведения (в бихевиористском смысле), и физиологической активности нервной системы.

Предметом объективной психологии Бехтерев считал поведение, изучение объективных реакций организма на внешние воздействия. Психику, сознание он не отрицал, но отождествлял с внутренними, субъективными переживаниями, вынося их за пределы объективного изучения.

Бехтерев указывал на зависимость поведения от прошлого опыта личности и, следовательно, от разнообразных факторов ее социальной среды, условий жизни и воспитания. Чтобы объяснить и предсказать поведение личности, надо изучить объективные его основания – прошлый опыт и наследственность, выраженные в особенностях нервной системы и всего организма, и соотнести всё это с актуальными реакциями и поступками. Иначе говоря, чтобы понять поведение субъекта, надо изучать самого субъекта, человека в целом. Замечательно, что девизом Психоневрологического института были слова: «Познай человека и полюби его».

Исходя из того, что психическая деятельность возникает в результате работы мозга, он считал возможным опираться главным образом на достижения физиологии, и прежде всего на учение об

условных рефлексах. Таким образом, Бехтерев создает целое учение, названное им рефлексологией, которое фактически продолжило дело объективной психологии.

В.М. Бехтерев считал, что человек как личность – по своей природе явление биосоциальное. Строя целостное учение о человеке, в качестве системообразующей основы он выделяет нервно-мозговую сферу, подчеркивая основополагающую роль мозга и нервной системы в жизнедеятельности человека и регуляции его взаимоотношений с миром.

Стремясь преодолеть дуализм в решении проблемы соотношения психических и физиологических явлений с позиций материалистического монизма, В.М. Бехтерев приходит к утверждению о существовании единого нервно-психического процесса, в котором нераздельно представлены физиологические и психические компоненты. Основной единицей анализа нервно-психической деятельности становится рефлекс, рассматриваемый как универсальный динамический механизм, лежащий в основе всех реакций человека.

Ученый утверждал, что все психические процессы сопровождаются рефлексорными двигательными и вегетативными реакциями, которые доступны наблюдению и регистрации.

На основе экспериментальных работ по изучению сочетательных, то есть вырабатываемых прижизненно, двигательных рефлексов, совокупность которых была названа соотносительной деятельностью, Бехтерев сделал вывод о том, что именно эта деятельность должна стать объектом изучения как воплощение строго объективного подхода к психике. Для описания сложных форм рефлексорной деятельности Бехтерев предложил термин «сочетательно-двигательный рефлекс».

Системность и комплексность легли в основу развития научного мировоззрения В.М. Бехтерева, ориентированного на переход к исследованию все более высоких уровней организации человека как целостного образования.

Связывая психическое здоровье со здоровьем личности, В.М. Бехтерев считал необходимым осмысление категории личности. Он подчеркивал, что, кроме объединяющего начала, под личностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека, определяет её активное отношение к окружающему миру, «основанное на инди-

видуальной переработке внешних воздействий, то есть объектом изучения был человек со своей историей развития, со своим индивидуальным внутренним миром». Индивидуальность личности проявляется в оригинальности и активности. В процессе формирования личности у нее складывается система отношений к окружающему, к людям. Эта идея самостоятельности, самоуправления личности во взаимодействии с окружающим миром звучала в тот период времени у многих прогрессивных ученых.

Бехтерев распространил выводы, касающиеся индивидуальной психологии на уровень анализа социально-психологических явлений. Результатом явилось создание им теории коллектива и развития личности в коллективе, изложенной в «Коллективной рефлексологии» (1921). Коллектив рассматривается как собирательная личность. Проявления этой личности подчиняются объективному рефлексологическому изучению, так же, как и проявления отдельной личности.

В.М. Бехтерев уловил наметившуюся в конце XIX в. тенденцию и одним из первых оформил в теоретическую систему идею объективного исследования всех сторон психики. Предметом исследований В.М. Бехтерева на всем протяжении его научной деятельности, по сути, была личность во всем богатстве и сложности ее природного и социального содержания.

### **Вклад В.М. Бехтерева в педагогическую психологию**

Работа в Педагогическом институте послужила основанием к написанию В.М. Бехтеревым ряда статей о воспитании детей с первых лет жизни: «Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте», «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении», «Охрана детского здоровья», «Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства», «Об индивидуальном развитии нервно-психической сферы по данным объективной психологии», «О развитии нервно-психической сферы в течение первого полугодия жизни ребенка», «Вопросы воспитания в возрасте первого детства» и другие. Изучение развития психики не только у здоровых, но и у больных детей велось им в организованной при Психоневрологическом институте Вспомогательной школе для детей с пониженной успеваемостью, нервных и слаборазвитых детей, где

учились дети с различными формами патологии нервной системы. Обратившись к проблеме формирования личности в раннем детстве, В.М. Бехтерев выступил как один из основоположников педагогической психологии раннего детства: он дал общую фактологическую картину поведения ребенка этого возраста, глубокое анатомо-физиологическое обоснование необходимости воспитания с первых дней жизни ребенка.

Можно выделить несколько направлений в исследованиях и деятельности В.М. Бехтерева и его сотрудников в плане сохранения психического здоровья ребенка и взрослого: 1) профилактика и восстановление психического здоровья детей и взрослых во взаимосвязи с различными факторами, влияющими на него, 2) профилактика и лечение алкоголизма и наркотизации как взрослого, так и детского населения России, 3) «экологичность» различных видов деятельности, в том числе трудовой деятельности родителей, детей, 4) сохранение психического здоровья людей различных возрастных групп, в том числе и детей дошкольного возраста, подростков, 5) охрана материнства, 6) использование различных методов и средств оздоровления и профилактики психического и физического здоровья.

Многолетние теоретические размышления, жизненные наблюдения и практическая деятельность в области психиатрии, психологии, образования привели В.М. Бехтерева к убеждению, что развитие человеческой личности нуждается в самом «старательном воспитании», что между воспитанием и психическим здоровьем ребенка существует прямая связь.

Будучи убежденным, что многие причины ненормальных характеров, болезненных склонностей, душевных заболеваний часто коренятся в плохо поставленном воспитании в детские годы, особенно в раннем возрасте, В.М. Бехтерев видел залог психического здоровья детей в научно обоснованном воспитании, формирующем у человека твердые убеждения, стойкий характер, сильную волю и другие положительные качества личности.

В качестве предметов рассмотрения в исследованиях В.М. Бехтерева выступили разные аспекты развития детской психики: особенности речи и внимания, эволюция детского рисунка, вопросы воспитания в детском возрасте, использование музыки как

важного средства психического развития, охрана детской психики от неблагоприятных условий её развития.

Необходимость учета в учебно-воспитательной работе анатомо-физиологических задатков В.М. Бехтерев справедливо рассматривал как важнейшую сторону индивидуального подхода к детям. Но в то же время В.М. Бехтерев самым решительным образом выступал против преувеличения роли наследственности в развитии личности. Он полагал, что человек получает возможность воздействовать на свои природные склонности и противодействовать влиянию наследственности до определенной степени, благодаря усвоенным в процессе воспитания навыкам.

Недопустимыми недостатками организации школьного обучения в России начала XX века В.М. Бехтерев считал отсутствие в практике обучения научно-теоретических оснований, её чисто эмпирический характер в выборе методов преподавания и решение многих вопросов организации образовательного процесса без учета и знания психики ребенка, без опоры на закономерности психологии, физиологии и других наук. Принцип развития ребенка в процессах воспитания и образования В.М. Бехтерев реализовывал в созданных им Педагогическом институте социального воспитания нормального и дефектного ребенка, Детском Обследовательском институте, Воспитательно-клиническом институте, институте Морального воспитания. Принципиальным В.М. Бехтерев считал вопрос о цели воспитания, которую он видел в формировании всесторонне развитой, деятельной личности с лучшими идеалами общественной жизни, с готовностью и умением служить обществу, народу, с гармонически развитым телом и духом. Важнейшими составными частями провозглашенного им «гармонического развития тела и духа», нашедшими отражение в его психолого-педагогических работах, являются социально-трудовое воспитание (как основное звено нравственного воспитания), умственное, физическое, эстетическое, половое воспитание.

Трактовка В.М. Бехтеревым воспитания как процесса выработки навыков и привычек акцентирует внимание и усилия воспитателя на конечном результате его воспитательной работы – реальном поведении, реальных действиях и поступках ребенка, в том числе и по отношению к сохранению своего физического и психического здоровья. Стремление В.М. Бехтерева положить в основу воспита-



ния создание навыков и привычек было продиктовано, с одной стороны, объективным подходом к личности, а с другой, – пониманием того, что знания, не перешедшие в умения и навыки, не реализованные в привычных действиях и поступках, сами по себе не имеют большой ценности и представляют незаконченный процесс воспитания.

В.М. Бехтерев выдвинул и обосновал идею социализации личности в ходе социально-трудового воспитания, которое понималось им как воспитание социально-общественных чувств и, прежде всего чувства гражданского долга, как воспитание стремления к деятельности на общую пользу в форме совместного труда. Систематический труд на пользу общества, по мнению В.М. Бехтерева, является важнейшим фактором нормального и здорового развития личности ребенка.

В.М. Бехтерев был убежденным сторонником общественного воспитания, видя в нем огромные возможности не только индивидуального развития человека, но и развития общества в целом. Однако В.М. Бехтерев не противопоставлял общественное воспитание семейному, указывая на особо важную роль матери как естественной воспитательницы детей, чье влияние на психическое здоровье ребенка является очень важным. Общественное и семейное воспитание должны быть едины особенно в решении проблем психического здоровья ребенка.

В содержание нравственного развития личности В.М. Бехтерев включил воспитание детей и юношества в духе социального героизма. Исходя из идей формирования культуры социального героизма, его сотрудники разработали методику работы с нервными детьми, учитывая их психологические особенности.

Физическое воспитание было для В.М. Бехтерева не только средством охраны физического здоровья, средством здорового и правильного физического развития, но и важным фактором психического развития и здоровья ребенка.

Психическое здоровье личности В.М. Бехтерев не мыслил без изучения половой жизни человека, этой проблематике был посвящен целый ряд его публикаций. Уделяя серьезное внимание естественным закономерностям полового развития детей и подростков, В.М. Бехтерев не склонен был биологизировать данную проблему, под половым воспитанием понимая всю сумму медико-

педагогических воздействий, обеспечивающих здоровое половое развитие. Он был убежден, что недостаточное внимание к этому аспекту жизни человека может привести к серьезным социальным проблемам, угрожающим физическому и психическому здоровью народа. Губительное развитие заболеваний, распространение проституции, увеличение преступности, а также бесплодие, вырождение и вымирание населения – вот часть тех проблем, которые в начале XX века, по мнению В.М. Бехтерева, привели к острой необходимости научного освещения вопросов пола. Они актуальны и в начале XXI века.

В психолого-педагогических трудах В.М. Бехтерева мы находим психологическое обоснование таких методов воспитания, как убеждение, внушение, пример и подражание, поощрение и неодобрение, анализ возможностей их использования в целях формирования здорового образа жизни. Преимущественное использование того или другого метода зависит от ряда причин, в том числе от психологических особенностей детей разного возраста.

### **Вклад В.М. Бехтерева в психотерапию зависимого поведения**

Изучая вред алкоголизации и наркотизации населения для психического здоровья, В.М. Бехтерев дал глубокий анализ социальных причин этого явления. Рассматривая алкоголизм как болезнь, он разработал систему работы с людьми, больными алкоголизмом, которая реализовывалась в ряде учреждений, в том числе в Экспериментально-клиническом институте по изучению алкоголизма на базе Психоневрологического института. Этот подход во многом определил меры медицинского и социального характера, которые выдвигал В.М. Бехтерев для борьбы с алкоголизмом в России. В.М. Бехтерев настаивал на разработке научной теории и организации практической работы по охране психического здоровья россиян в масштабах страны, на подготовке и повышении квалификации врачей, на организации специальных клиник и принятии государственных мер по ограничению продажи алкоголя, заботясь о повышении культурного уровня народа. Он ярко продемонстрировал пагубность рассматриваемого заболевания для психического здоровья будущих поколений, растущего организма.

В комплексе методов лечения алкоголизма В.М. Бехтеревым были предложены различные виды психотерапии: гипноз, убеждение, внушение, «самоутверждение» и другие, опыт применения которых используется в современной практике терапии. Коллективную психотерапию алкоголиков под гипнозом ввел в России тоже Бехтерев. Разработанная им методика до сих пор с небольшими изменениями применяется повсеместно. Сохранились уникальные кинокадры: Бехтерев гипнотизирует огромную аудиторию из специально собранных больных. Он начинал говорить о вреде алкоголя, слова его тем вернее западали в душу, чем глубже спал человек. Многим это спасло жизнь, и свой последний доклад, всего за тридцать два часа до внезапной смерти, делал семидесятилетний Бехтерев как раз о коллективной психотерапии под гипнозом.

### **Вклад В.М. Бехтерева в психологию труда**

Разрабатывая «рефлексологию труда», В.М. Бехтерев и его сотрудники внесли существенный вклад в определение круга проблем психологии труда и путей их решения. В рамках рефлексологии труд рассматривался как разновидность соотносительной деятельности, в которой особую роль играет активность человека в преобразовании окружающей среды в соответствии с условиями человеческого существования. В.М. Бехтерев в своих работах неоднократно подчеркивал социальную значимость рассмотрения проблем организации и развития производства, направленного на сохранение психического и физического здоровья трудящихся.

В.М. Бехтерев считал необходимым изучение трудовой деятельности человека, его индивидуальных особенностей с целью оптимизации физических и психических затрат в процессе трудовой деятельности, развития способностей человека и сохранения его психического здоровья. Здесь одно из центральных мест занимал вопрос об умственном и физическом переутомлении и о возможностях восстановления энергии.

Результаты многочисленных исследований профессиональной деятельности использовались В.М. Бехтеревым и его сотрудниками на практике: создавались консультационные центры на базе биржи труда, шел поиск путей реализации принципа осуществления научной организации труда, требующего максимальной производительности труда при максимальном сохранении здоровья трудя-

щихся и устранении всех условий, наносящих ущерб развитию личности.

### **Работы Бехтерева в области зоопсихологии**

В 1921 г. академик В.М. Бехтерев вместе с известным дрессировщиком животных В.Л. Дуровым проводил опыты мысленного внушения дрессированным собакам заранее задуманных действий. Аналогичные опыты проводились и в практической лаборатории зоопсихологии, которой руководил В.Л. Дуров, при участии одного из пионеров мысленного внушения в СССР инженера Б.Б. Кажинского. Уже к началу 1921 г. в лаборатории В.Л. Дурова за 20 месяцев исследований было проделано 1278 опытов мысленного внушения (собакам), в том числе удачных 696 и неудачных 582. Опыты с собаками показали, что мысленное внушение обязательно должен проводить дрессировщик, это мог быть опытный индуктор. Необходимо было только, чтобы он знал и применял методику передачи, установленную дрессировщиком. Внушение проводилось как при непосредственном визуальном контакте с животным, так и на расстоянии, когда собаки не видели и не слышали дрессировщика, а он – их. Следует подчеркнуть, что опыты проводились с собаками, имеющими определенные изменения в психике, возникшие после специальной дрессировки.

# **4**

## **ПАВЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ: роль психофизиологических работ в развитии психологии**

### **Биографический очерк**

Иван Петрович Павлов – великий российский естествоиспытатель, физиолог, оставивший неизгладимый след в истории отечественной науки, и всемирно известный ученый. Он был первым русским ученым, удостоенным Нобелевской премии. Достижения научных школ, созданных учениками Павлова, определили новое воплощение павловских идей в современных исследованиях и открыли возможность проникновения физиологической мысли на клеточный, мембранный и молекулярный уровни системных функций, что позволило понять тонкие механизмы адаптивных реакций организма.

Родился Иван Петрович Павлов 14 (26) сентября 1849 г. в Рязани в семье священника. С раннего детства Павлов перенял у отца упорство в достижении цели и постоянное стремление к самосовершенствованию. В возрасте семи лет он перенес тяжелую травму головы, из-за чего школьное обучение было отложено на несколько лет. Обучением сына занялся сам Петр Дмитриевич. Своего первенца (всего в семье было одиннадцать детей) отец желал видеть священнослужителем, и не обычным – «из семинаристов», а ученым-богословом «из академиков». Следуя родительской воле, Павлов начал посещать начальный курс духовной семинарии, а в 1860 г. поступил в рязанское духовное училище. Программа подготовки священнослужителей включала довольно широкий круг дисциплин, в том числе и естественные науки. Именно к этой сфере Павлов почувствовал наибольшую склонность, постепенно охладевая к духовной карьере.

Увлечение физиологией возникло у Павлова после того, как он прочитал русский перевод книги английского критика Джорджа Льюиса «Физиология обыденной жизни». Его увлечение окрепло

после прочтения популярных работ Д.И. Писарева, которые подвели его к изучению теории Ч. Дарвина.

Не закончив духовного образования, Павлов в 1870 г. уехал в Петербург, где поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Его интерес к физиологии возрос после прочтения книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Изучением этой науки он занялся в лаборатории И. Циона, который занимался исследованием влияния нервов на деятельность внутренних органов. Именно по предложению Циона Павлов провел свое первое научное исследование – изучение секреторной иннервации поджелудочной железы; за эту работу он был удостоен золотой медали университета.

После получения в 1875 г. степени кандидата естественных наук Павлов поступил на третий курс Медико-хирургической академии в Петербурге (преобразованной впоследствии в Военно-медицинскую). Здесь он надеялся стать ассистентом Циона, который незадолго до этого был назначен ординарным профессором кафедры физиологии. Однако это назначение вскоре было отменено, ибо противоречило государственному установлению, согласно которому к подобным должностям не допускались лица еврейского происхождения. Оскорбленный Цион покинул Россию. Это событие навсегда сохранилось в памяти Павлова, и впоследствии он буквально приходил в бешенство при малейшем намеке на антисемитизм. Отказавшись работать с преемником Циона, Павлов стал ассистентом в Ветеринарном институте, где в течение двух лет изучал пищеварение и кровообращение. Летом 1877 г. он работал в городе Бреслау, в Германии (ныне Вроцлав, Польша), с Рудольфом Гейденгайном, специалистом в области пищеварения. Гейденгайн занимался изучением пищеварения у собак, используя выведенные наружу части желудка. Павлов усовершенствовал эту методику, решив проблему сохранения нервного управления выведенной частью желудка. В следующем году по приглашению С.П. Боткина Павлов начал работать в физиологической лаборатории при его клинике в Бреслау, еще не имея медицинской степени, которую он получил в 1879 г. В лаборатории Боткина Павлов фактически руководил всеми фармакологическими и физиологическими исследованиями.

После длительной борьбы с администрацией Военно-медицинской академии (отношения с которой стали натянутыми после его реакции на увольнение Циона) Павлов в 1883 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины, посвященную описанию нервов, контролирующих функции сердца. Он был назначен приват-доцентом в академию, но вынужден был отказаться от этого назначения в связи с дополнительной работой в Лейпциге с Гейденгайном и Карлом Людвигом, двумя наиболее выдающимися физиологами того времени. Через два года Павлов вернулся в Россию. Затем 46 лет жизни и деятельности И.П. Павлова были неразрывно связаны с Институтом экспериментальной медицины, где он возглавил отдел физиологии, названный впоследствии его именем.

Многие исследования Павлова в 1880-х гг. касались системы кровообращения. Наибольшего расцвета творчество Павлова достигло к 1879 г., когда он вплотную занялся исследованиями физиологии пищеварения, которые продолжались свыше 20 лет. В своей книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез» Павлов рассказал о своих опытах и наблюдениях, о приемах работы. За этот труд он и получил в 1904 г. Нобелевскую премию.

Будучи от рождения левшой, как и его отец, Павлов постоянно тренировал правую руку и в результате настолько хорошо владел обеими руками, что, по воспоминаниям коллег, ассистировать ему во время операций было очень трудной задачей: никогда не было известно, какой рукой он будет действовать в следующий момент.

Преданность Павлова экспериментальной науке была всеобъемлющей. Его совершенно не интересовали бытовые условия жизни. В 1881 г. он женился, и его жене, Серафиме Васильевне, пришлось полностью взять на себя решение всех житейских проблем. Таково было взаимное соглашение, заключенное в самом начале супружества. Со своей стороны Павлов обязался никогда не пить, не играть в карты и ходить в гости или принимать гостей только в выходные дни. Его бескорыстная одержимость работой доходила до такой степени, что жене иной раз приходилось напоминать ему о получении жалованья. Впрочем, жалованье ученых в нашем отечестве никогда не было высоким. Долгие годы семья Павловых жила крайне стесненно. В 1884 г., когда Павлов работал над докторской диссертацией, родился первый ребенок. Хрупкий и болез-

ненный младенец не сможет выжить, говорили врачи, если мать и ребенок не смогут отдохнуть за городом. Павлову удалось одолжить денег на поездку, но было слишком поздно: ребенок умер. Некоторое время Павлов вынужден был ночевать на койке в своей лаборатории, а его жена и второй ребенок жили у родственников, потому что они не могли позволить себе снять квартиру. Группа студентов Павлова, зная о его финансовых затруднениях, передала ему деньги под предлогом покрытия расходов на демонстрации опытов. Из этой суммы ученый не взял себе ни копейки, все потратил на своих лабораторных собак.

Его безразличие к бытовым заботам ярко демонстрирует тот факт, что жена должна была напоминать ему о получении жалования. Она рассказывала, что ему нельзя было поручить купить для самого себя одежду. Когда ему было уже за семьдесят, он выскочил из трамвая, в котором ехал на работу, не дождавшись полной остановки, упал и сломал ногу. Стоявшая рядом женщина воскликнула: «Боже мой, ведь это гений, а он даже не может выйти из трамвая, чтобы тут же не сломать ногу!» В 1923 году Павлов посетил Соединенные Штаты, чтобы присутствовать на конференции в Нью-Йорке. На Центральном вокзале его немедленно ограбили на две тысячи долларов. Он присел отдохнуть на скамеечку и положил портфель рядом. Он был так поглощен разглядыванием людей, что совершенно не следил за портфелем, а потом просто встал и ушел. По этому поводу он высказался так: «Ну и ладно. Не следовало выставлять соблазн перед глазами бедняков».

Павлов был известен своим горячим нравом. На работе он нередко разражался гневными тирадами в адрес своих помощников. Во время большевистской революции 1917 года он обрушился на одного из сотрудников, который опоздал на работу на десять минут. Стрельба на улицах не могла быть оправданием для прекращения работы. Как правило, эти вспышки быстро забывались. Сотрудники и студенты знали, чего от них ждут, потому что Павлов всегда ясно говорил им об этом. В общении с окружающими Павлов всегда был прямым и честным человеком, хотя и не слишком тактичным. Он прекрасно сознавал свой взрывной темперамент. Когда один из сотрудников лаборатории больше не смог терпеть оскорблений и попросил освободить его от исполнения обязанностей, Павлов ответил, что его оскорбительное поведение есть не



более чем привычка... и само по себе не является уважительной причиной для увольнения из лаборатории. Неудача эксперимента могла повергнуть Павлова в состояние глубокой депрессии, но зато успех вызывал такую радость, что он поздравлял не только своих сотрудников, но и собак.

Павлов был одним из немногих русских ученых, которые допускали к работе в своих лабораториях женщин и евреев. Он приходил в ярость при малейшем намеке на антисемитизм. У него было хорошее чувство юмора, и он умел ценить шутку. Во время церемонии вручения почетной степени Кембриджского университета студенты с балкона спустили к нему на колени игрушечную собачку на веревке. Павлов потом держал эту собачку на своем рабочем столе.

До конца своих дней Павлов оставался ученым. Он проводил наблюдения за самим собой, когда бывал болен, и день смерти не стал исключением. Ослабев от воспаления легких, Павлов позвал врача и описал свои симптомы: «Мой мозг работает не вполне хорошо, появляются навязчивые мысли и непроизвольные движения: возможно, развивается омертвление». Некоторое время он обсуждал свое состояние с врачом, а потом заснул. Проснувшись, Павлов сел в кровати и начал искать свою одежду с той же нетерпеливой энергией, которая была свойственна ему всю жизнь. «Пора вставать! – крикнул он. – Помогите мне, я должен одеться!» И с этими словами он упал на подушки и умер.

Получив университетское образование, Павлов стал представителем интеллигенции, нового сословия, нарождающегося в российском обществе, которое отличалось от основных классов – аристократии и крестьянства. Павлов был слишком образован и слишком интеллигентен для крестьян, из среды которых он вышел, но слишком прост и слишком беден для аристократии, к которой никогда не смог бы примкнуть. Такие социальные условия нередко порождали особых, преданных науке интеллектуалов, вся жизнь которых была посвящена тому занятию, которое оправдывало их существование. Таким был и Павлов, у которого фанатичная преданность чистой науке, экспериментальным исследованиям всегда питалась силой, энергией и простотой русского крестьянина.

В советской науке условно-рефлекторная теория была поднята на щит, поскольку в полной мере отвечала насущному социальному запросу. Принципы формирования «нового человека» как нель-

зя лучше выводились из приемов натаскивания павловских собак. Правда, сам ученый к большевистскому социальному экспериментированию относился резко критически, открыто заявляя, что для таких опытов он пожалел бы даже собаки. Как писал позднее академик Петр Капица, Павлов «без стеснения, в самых резких выражениях критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания».

Сам Павлов писал: «В первые годы революции многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности большевистскому режиму. Мне было тошно это видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: «Я не социалист и не верю в Ваш опасный социальный эксперимент».

Ответ главы Совнаркома был неожиданным: он распорядился обеспечить Павлову все условия для научной работы, организовать (в голодном Петрограде!) питание подопытных собак. Совнарком принял по этому поводу особое постановление. (Рассказывают, что академик Алексей Крылов, встретив как-то Павлова на улице, с горькой иронией попросил взять его к себе в собаки.)

Академик Павлов считал своим долгом заступаться за несправедливо арестованных или осужденных людей. Иногда его заступничество спасало людям жизнь. Через три недели после убийства Кирова и начала новой волны репрессий, 21 декабря 1934 г. 85-летний ученый направляет в правительство обращение, в котором пишет: «Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «Черт с ними! Пусть расстреляют. Вес равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство». На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, правда, кончившееся ничем, ни угрозы при Зиновьеве в здешней «Правде»... Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением при-

водят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного достоинства. Не один же я так чувствую и думаю? Пощадите же родину и нас».

Когда 27 февраля 1936 г. ученого не стало, профессор медицины Дмитрий Плетнев (позднее оклеветанный и расстрелянный) дал в некрологе совсем неожиданную для той эпохи характеристику Ивана Петровича Павлова: «Он никогда, ни в молодости, ни в старости, не лицемерил, не приспособлялся. Он глубоко презирал людей, которых историк эпохи Смутного времени охарактеризовал словами: «Телом и духом перегибательные».

В одной из биографических статей о Павлове можно найти довольно типичное для советской науки высказывание: «Учение И.П. Павлова до конца раскрыло тайну сказочной «души». Вот только вряд ли в это верил сам академик. По крайней мере, похоронить себя он завещал с полным соблюдением православного обряда. Умер Павлов в 1936 г. на 87-м году жизни в Ленинграде и похоронен на Волковом кладбище

Труды И.П. Павлова получили международное признание. В 1935 г. в нашей стране проходил 15 Международный конгресс физиологов, на котором ученые всего мира называли Павлова «старейшиной физиологов мира». К этому времени И.П. Павлов был уже академиком, почетным членом и доктором «гонорис кауза» более чем 120 научных обществ, академий и университетов, отечественных и зарубежных. Известный во всем мире как создатель учения о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии за труды по физиологии пищеварения, И.П. Павлов оставался до конца дней своих неутомимым тружеником и активным гражданином России.

### **Вклад И.П. Павлова в науку**

Во время своей долгой и выдающейся карьеры Павлов работал над тремя основными проблемами. Первая касалась функции сердечных нервов, вторая – первичных органов пищеварения. Его блестящие работы по проблемам пищеварения принесли ему мировое признание и Нобелевскую премию 1904 года. Третьей областью

его научной деятельности, благодаря которой он занял выдающееся место в истории психологии, стало изучение условных рефлексов.

Открытие условных рефлексов, как и многие другие выдающиеся научные достижения, произошло, по мнению ученых, совершенно случайно, когда Павлов, исследуя работу пищеварительных желез, – для того, чтобы получить возможность собирать желудочный сок вне организма собаки, – воспользовался методом хирургического вмешательства.

Один из аспектов работы Павлова состоял в исследовании функций слюны, произвольно выделяющейся, как только в рот собаки попадала пища. Павлов обратил внимание, что иногда слюна начинала выделяться еще до того, как собака получала пищу. Собаки пускали слюну, когда видели пищу или даже человека, который регулярно кормил их. Реакция слюноотделения, таким образом, оказывалась обусловленной раздражением, которое по предшествующему опыту ассоциировалось с едой.

Эти физические рефлексы, как поначалу называл их Павлов, возбуждались в собаках под воздействием раздражителей, отличных от исходного (то есть от пищи). Павлов пришел к выводу, что это происходит по причине возникновения ассоциативной связи между кормлением и этими раздражителями (видом человека и издаваемыми им звуками).

В соответствии с духом времени, который тогда царил в зоопсихологии, Павлов (как и Торндайк, и Леб до него) сосредоточился на психических переживаниях лабораторных животных. Это видно по первоначальному термину, который он применил для условных рефлексов – физические рефлексы. Он писал о желаниях, представлениях и воле животных, интерпретируя события в духе субъективности и антропоморфизма.

Позднее Павлов отказался от всяких психических определений в пользу исключительно объективного, описательного подхода. Необходимо отметить, что, хотя исследования рефлекторной природы поведения, по сути, были психологическими, Павлов намеренно не вторгался в область психологии, постоянно подчеркивая их физиологический характер (своих сотрудников он даже штрафовал за использование психологической терминологии). В своих выступлениях он не раз склонял «несостоятельные психологические претен-

зии». Он был знаком со структурной и функциональной психологией, но соглашался с Джемсом в том, что психология еще не достигла уровня подлинной науки. Собственный подход он считал конструктивной альтернативой психологическим рассуждениям.

Первые эксперименты Павлова были совсем простыми. Он держал в руке кусок хлеба и показывал его собаке, прежде чем дать его съесть. Со временем собака начинала пускать слюну, как только видела хлеб. Отделение слюны у собаки в тот момент, когда пища попадает в рот, является естественной реакцией пищеварительной системы; для того, чтобы вызвать такую реакцию, никакого научения не требуется. Павлов назвал это врожденным, или безусловным, рефлексом. Однако слюноотделение при виде пищи не является безусловным рефлексом. Для того, чтобы вызвать такую реакцию, требуется научение. Такую реакцию Павлов назвал условным рефлексом (в отличие от психического понятия «физического» рефлекса), поскольку он был обусловлен и зависел от формирования ассоциативной связи между видом пищи и ее последующим поглощением. При переводе трудов Павлова с русского языка на английский американский исследователь У.Х. Гантт вместо «обусловленный» использовал слово «условный». Термин «условный рефлекс» до сих пор является общепринятым. Павлов обнаружил, что многие раздражители способны вызвать условную реакцию слюноотделения у лабораторных собак, если они могут привлечь внимание животных, не вызывая в то же время страха или агрессии. Павлов проверил зуммеры, лампы, свистки, музыкальные звуки, шум кипящей воды, тикающий метроном и получил одинаковые результаты.

Тщательность и точность, свойственные Павлову, проявились в сложной и изощренной методике сбора слюны у животных. В хирургический разрез в щеке животного была вставлена резиновая трубочка. Всякий раз, когда капля слюны падала на платформу, установленную на чувствительной пружине, активизировался маркер на вращающемся барабане. Это устройство, позволяющее регистрировать точное количество капель и время их падения, является лишь одним из многочисленных примеров усилий Павлова в его стремлении следовать научному методу – обеспечивать стандартные условия проведения эксперимента, применять жесткий контроль, устранять источники погрешностей.

Он был до такой степени озабочен проблемой исключения посторонних влияний, что разработал специальные боксы. Подопытное животное в специальной сбруе помещалось в один бокс, а сам экспериментатор находился в другом. Экспериментатор мог оперировать различными раздражителями, собирать слюну и давать пищу животному, оставаясь невидимым для него.

Но все эти меры предосторожности не вполне удовлетворили Павлова. Он полагал, что условия внешней среды все равно могут оказывать влияние и затемнять результаты экспериментов. Используя средства, выделенные одним русским предпринимателем, Павлов спроектировал трехэтажное лабораторное здание – так называемую «Башню молчания», в котором в окна были вставлены специальные сверхтолстые стекла. В комнатах также устанавливались двойные железные двери, а стальные балки, держащие перекрытия, погружались в песок. Здание было окружено рвом, заполненным соломой. Вибрация, шум, перепады температуры, запахи и сквозняки были полностью исключены. Павлов стремился к тому, чтобы ничто постороннее не влияло на подопытных животных, за исключением раздражителей, которым животные подвергались в ходе экспериментов.

Помимо изучения формирования условных реакций Павлов и его сотрудники исследовали и другие сопутствующие моменты – например, поощрение, затухание рефлекса, спонтанное восстановление, обобщение, установление различий, обусловленность высшего порядка. Все эти проблемы и сейчас остаются в фокусе внимания науки. Вместе с Павловым работали более 200 человек, его экспериментальная программа продолжалась длительное время и потребовала участия большего количества людей, чем какая-либо иная программа со времен Вундта.

Учение Павлова постепенно обогащалось не только фактами, но и теоретическими представлениями. В 1923 г. вышла работа Павлова «Двадцатилетний опыт объектного изучения высшей нервной деятельности поведения животных», в которой он изложил свою программу и описал колоссальную, проделанную им и его сотрудниками работу.

Согласно рефлексорной теории И.П. Павлова, имея биологическое происхождение, условный рефлекс образуется на основе врожденного, безусловного (определенной потребности, например, в

пище, в защите от вредных воздействий и др.), причем организм постоянно учится различать, дифференцировать сигналы. Если сигнал ведет к успеху, т.е. подкрепляется, между ним и ответным действием организма образуется связь, которая при повторении становится все более прочной. Тем не менее, она является временной и, если в дальнейшем не подкрепляется, то благодаря нервному процессу торможения гаснет. Павлов и его школа всесторонне изучили динамику образования и изменения условных рефлексов, открыв механизмы многих нервно-психических проявлений, в том числе неврозов. Условный рефлекс реализуется высшими нервными центрами – корой больших полушарий головного мозга и ближайшей подкоркой. Павловым были всесторонне изучены закономерности динамики нервных процессов (торможение, иррадиация, концентрация и др.), которая обуславливает внешние проявления поведения.

Наряду с условными рефлексам были выделены другие категории рефлексов – ориентировочный рефлекс, рефлекс цели, рефлекс свободы.

Ориентировочный рефлекс Павлов называл рефлексом «Что такое?». Он заключается в том, что организм как будто непрерывно задает этот вопрос окружающему миру, стремясь оценить ситуацию, в которой он оказался, и понять, что представляет для него наибольшую ценность. Ориентировочный рефлекс включает стремление овладеть предметом, безразличным для жизнеобеспечения организма.

В качестве типичного примера рефлекса цели Павлов приводил страсть к коллекционированию. Павлов приходит к выводу, что «надо отделять самый акт стремления от смысла и ценности цели и что сущность дела заключается в самом стремлении, а цель – дело второстепенное». «Рефлекс цели имеет огромное жизненное значение, он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас», – утверждал Павлов. Применительно к рефлексу цели как энергетической переменной Павлов ввел представление о социально-исторической детерминации. Причины падения энергии он усматривал в общественных влияниях.

Органы чувств Павлов трактовал как анализаторы, видя в них целостные «приборы», включающие наряду с периферийными блоками центральные, локализованные в коре больших полушарий. Следуя Сеченову, он мыслил взаимодействие организма со средой

не по типу механистической детерминации, а как регулируемое внешними агентами, выполняющими роль сигналов. Они позволяют организму различать свойства внешних объектов и эффективно действовать в изменчивых и непредсказуемых условиях среды, предвосхищая течение будущих событий. Сигналы носят системный характер, причем они образуют две системы: сенсорную (в психологическом плане ей соответствуют чувственные образы – ощущения, представления) и вербальную (ей соответствуют слова, устные и письменные знаки человеческой речи). Благодаря вторым сигналам в результате анализа и синтеза чувственных образов возникают обобщенные умственные образы (или понятия). Этим определяется качественное отличие между поведением животных, поскольку у них оно регулируется только нервной сигнальной системой, и человека, у которого обе системы связаны и лишь в случае патологии наблюдается разрыв между ними. Впоследствии Павлов видел задачу «первых сигналов» в сенсорном, чувственно-образном распознавании предметного мира. А потребность приобрела у него в контексте категории поведения значение мотивационного фактора, обозначенного Павловым термином «подкрепление». Другими важнейшими переменными (детерминантами поведения) выступили торможение и повторение. Павлов утверждал в качестве важнейшей особенности рефлексорной регуляции модифицируемость уже сложившихся форм поведения.

Павлов также разработал учение о различных типах высшей нервной деятельности (темпераментах), о динамическом стереотипе как устойчивом комплексе реакций и др.

В своей известной речи, произнесенной в Мадриде, он указывал: «Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более, – его сознание, муки его сознания». В дальнейшем Павлов не раз подчеркивал социальную значимость исследования условных рефлексов, направленного на разработку точной науки о человеке, которая «выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений».



## **И.П. Павлов и психология**

По иронии судьбы самое сильное влияние идеи Павлова оказали именно на психологию – то есть ту область, к которой он не особенно благоволил. Уже первые сведения о нем, дошедшие до западных психологов, получили широкий резонанс. На VI Международном психологическом конгрессе в Женеве (1909) прозвучало имя Павлова. Оно упоминалось неоднократно, однако не русскими участниками конгресса (они составляли небольшую группу во главе с Г.И. Челпановым), а американскими исследователями Р. Йерксом, М. Прайнсом, Ж. Небом. Открытие условного рефлекса американские психологи восприняли как революцию в изучении поведения. В докладе Р. Йеркса «Научный метод в психологии животных» высказывалась уверенность, что новые научные устремления, среди выразителей которых первым назывался Павлов, позволят дать объективный анализ восприятия животных, их памяти, привычек и т.д. Заметим, что в этом же году Йеркс опубликовал на английском языке сводку работ павловской лаборатории, впервые познакомившую западного читателя с учением об условных рефlekсах; это сыграло важную роль в разработке объективных методов в американской психологии. Методы Павлова предоставили психологической науке базовый элемент поведения, конкретную рабочую единицу, к которой могло быть сведено сложное человеческое поведение для его изучения в лабораторных условиях. Дж. Уотсон ухватился за эту рабочую единицу и сделал ее ядром своей исследовательской программы. Павлов был удовлетворен работами Уотсона, заметив, что развитие бихевиоризма в Соединенных Штатах является подтверждением его идей и методов. Не будет преувеличением сказать, что все поведенческое направление в психологии выросло из Павловской рефлeкторной теории. На протяжении десятилетий и западная, и отечественная психология развивались именно в этом ключе. Ограниченность такого подхода выступила лишь по прошествии длительного времени, и было бы необоснованно с сегодняшних позиций упрекать в ней именно Павлова.

Честный и здравомыслящий человек, Павлов много сделал для объяснения механизмов поведения, но никогда не претендовал на исчерпывающее толкование всей душевной жизни. Зато в этом преуспели его рьяные «последователи», попытавшиеся довести павловскую теорию до абсурдной крайности. В 1950 г. состоялась

научная сессия АН и АМН СССР, посвященная учению Павлова (в дальнейшем ей присвоили название «павловской»). На сессии были сделаны два главных доклада. С ними выступили академик К.М. Быков и профессор А.Г. Иванов-Смоленский. С этого момента они обрели статус верховных жрецов культа Павлова. Было ясно, чья могущественная рука посадила их на трибуну сессии. Уже не было необходимости сообщать, что доклады одобрены ЦК ВКП(б). Это разумелось само собой – на основе учета опыта августовской сессии ВАСХНИЛ, где информация об одобрении ЦК была сообщена Т.Д. Лысенко уже после того, как некоторые выступавшие в прениях неосторожно взяли под сомнение непогрешимость принципов «мичуринской» биологии. Подобного на «павловской» сессии дожидаться не стали, и начались славословия в адрес главных докладчиков, «верных павловцев», наконец якобы открывших всем глаза на это замечательное учение.

Сессия с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности, а стало быть, ликвидирована, в это время не только носилась в воздухе, но уже и материализовалась.

Перед историками психологии не раз ставились вопросы, связанные с оценкой этого периода ее истории. Причины «павловской» сессии? Очевидно, проблему надо поставить в широкий исторический контекст. В конечном счете, это была одна из многих акций, которые разворачивались в этот период, начиная с 30-х гг. и почти до момента смерти Сталина, по отношению к очень многим наукам. Это касалось педологии и психотехники, еще раньше – философии. Такие кампании были и в литературоведении, в языкознании, в политэкономии, в биологии.

Конечно, сейчас тяжело перечитывать самообвинения и «разбор» книг чужих и собственных со скрупулезным высчитыванием, сколько раз на их страницах упоминалось имя Павлова, а сколько раз оно отсутствовало. Нельзя отрицать, что психология фактически привязывалась к колеснице победителей – физиологии высшей нервной деятельности. Однако цель оправдывала средства. На сессии психология отстаивала свое право на существование, которое оказалось под смертельной угрозой. Во время одного из заседаний Иванов-Смоленский получил и под хохот зала зачитал записку,

подписанную так: «Группа психологов, потерявших предмет своей науки». Но если бы такое было сказано в резолюции сессии, то это означало бы ликвидацию психологии как науки. Поэтому пафос выступлений психологов сводился к отстаиванию предмета своей науки. И признание «ошибок» лидерами психологической науки сегодня не должно вызывать никаких иных эмоций, кроме сочувствия и стыда за прошлое науки. Едва ли справедливо бросать камень в тех, кто перед лицом упразднения целой отрасли знания каялся «галилеевым покаянием».

Менее всего есть основания считать, что сложившаяся ситуация отвечала генеральной линии развития павловского учения и позициям самого Павлова. Надо иметь в виду, что сам Павлов, недолго любивший психологов, тем не менее считал, что психология и физиология идут к одной цели разными путями. Примечательно, что он приветствовал открытие Психологического института в Москве, а уже при советской власти приглашал его изгнанного директора, профессора Г.И. Челпанова, на работу в свою лабораторию. Поэтому нельзя рассматривать «павловизацию» психологии со всеми ее драмами и курьезами (к примеру, попытки строить обучение школьников, ориентируясь на механизмы выработки условных рефлексов) как запоздалый результат каких-то волеизъявлений великого ученого. Надо сказать, что к концу жизни с ним вообще не очень-то считались. Он был нужен и полезен как икона и предпочтительнее мертвый, чем живой.

Так или иначе, сам академик Павлов был и остается великим ученым, разгадавшим многие тайны поведения. Не его вина, что его имя начертали на своих знаменах научные погромщики. Павлов поистине выше упреков и не нуждается в защите и оправдании.

В современной психологии учение Павлова повсеместно принято считать основой всех наук о поведении.

# 5

## УХТОМСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ: изучение физиологических основ поведения

### Биографический очерк

Алексей Алексеевич Ухтомский родился 25 июня 1875 г. в городе Рыбинске на Волге. Годы детства и юности, проведенные в небольшом волжском городке, Алексей Алексеевич всегда вспоминал с нежностью, гордился своей родиной, всю жизнь называл себя «волгарем». Закончив начальную гимназию, по настоянию отца будущий ученый продолжил свое образование в среднем военно-учебном заведении – кадетском корпусе Нижнего Новгорода. Но выпускника кадетского корпуса Алексея Ухтомского не привлекала карьера военного. В то время более всего его интересовали гуманитарные науки, а именно – история, философия. Алексей переехал в Москву и, успешно сдав экзамены, стал слушателем философского и исторического факультетов Московской духовной семинарии.

Глубокие философские изыскания, желание познать сущность материи, поиск ответов на извечный вопрос философии «Что есть человек?» побудили Алексея обратиться к естественным наукам, в частности к физиологии. 24-летний Алексей Ухтомский в «очередной раз резко меняет сферу своих интересов и продолжает образование, поступив на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1902 г. он уже пробует силы на новом для себя поприще: талантливый, любознательный и прилежный студент приглашают для работы в физиологическую лабораторию физико-математического факультета, которой руководил в то время Н.Е. Введенский.

В 1904 г., подготавливая демонстрационный опыт для лекции своего учителя, Ухтомский заметил, что у собаки в период подготовки к акту дефекации (опорожнения кишечника) электрическое раздражение двигательных точек коры головного мозга начинает тормозить движение конечностей и, напротив, усиливает возбуж-

дение в центрах дефекации, заложенных в поясничных сегментах спинного мозга. Как только дефекация завершилась, электрическое возбуждение двигательных точек коры головного мозга начало вызывать обычное движение конечностей. Это случайное наблюдение привлекло внимание Ухтомского, который попытался найти объяснение подобного явления.

Серия аналогичных опытов подтвердила мнение исследователя о том, что существует некая закономерность, объясняющая ряд законов деятельности центральной нервной системы, выделенная, описанная и названная Ухтомским доминантой.

Изучению данной проблемы, разработке учения о доминанте Алексей Алексеевич посвятил несколько лет своей научной работы. Ряд научных трудов, периодически публикуемых в научных журналах, позднее были объединены им в одну работу «О зависимости двигательных кортикальных эффектов от побочных центральных влияний» – докторскую диссертацию, которую Ухтомский блестяще защитил в 1911 г.

В 1912 г. Ухтомскому было присвоено звание приват-доцента и предоставлено право чтения лекций студентам. Ухтомский разработал и читал курс лекций по мышечной и нервной физиологии и физиологии органов чувств.

Новый 1915 г. принес перспективному ученому звание прозектора (ассистента профессора, подготавливающего анатомические препараты, опыты, иллюстрирующие его лекции) физиологической лаборатории Петроградского университета. Ухтомский помогает Введенскому в работе над его концепцией лабильности, продолжает трудиться над собственной теорией.

В 1918 г. Алексей Алексеевич Ухтомский стал штатным доцентом, а чуть позже – профессором и заместителем заведующего физиологической лабораторией. После смерти Введенского в 1924 г. А.А. Ухтомский он возглавил работу лаборатории, стал заведующим кафедрой физиологии Ленинградского университета, которой руководил до своей кончины.

Алексей Алексеевич был блестящим педагогом. Каждой лекции предшествовала тщательная подготовка. В аудитории, где читал лекции Ухтомский, можно было увидеть не только студентов, аспирантов, но и прославленных ученых. Впервые в истории высшего образования он вел курс лекций по высшей нервной деятель-

ности и сравнительной физиологии, принимал активное участие в организации рабочего факультета при Петроградском университете (открыт в 1919 г.) и кафедры физиологии труда (работала с 1930 г.). Одному из учеников А.А. Ухтомского, профессору М.И. Виноградову, принадлежит следующая, достаточно меткая характеристика личности Ухтомского: «Всякий, кому приходилось встречаться с этим глубоким и своеобразным умом, выносил незабываемое впечатление громадной умственной мощи и в то же время чрезвычайной тонкости и проникновенности».

В 1931 г. Алексей Алексеевич Ухтомский был награжден Ленинской премией, в 1935 г. избран действительным членом Академии наук СССР. Умер выдающийся русский физиолог А.А. Ухтомский в 1942 г. в осажденном фашистами Ленинграде.

### **Основные научные положения**

Ухтомский продолжил разработку того нового направления в физиологической науке, фундамент которого был заложен Н.Е. Введенским. Научные работы А.А. Ухтомского и его учеников были посвящены физиологии нервно-мышечного аппарата и нервных центров. Он ставил перед собой задачу найти на нервно-мышечном препарате принципиальные пути для постижения общих закономерностей жизнедеятельности органов, систем органов и организма в целом.

Школа Введенского – Ухтомского, лидером которой был Алексей Алексеевич, считала, что в физиологии принципиально невозможны статические закономерности. Школа ставила своей задачей установить причины и механизмы, обуславливающие постоянно меняющееся состояние живой системы, и пришла к выводу, что вне учета роли раздражителя и истории живой системы принципиально невозможно определить закономерности течения и преобразования функций в организме.

Опираясь на материалы исследований ученых своей школы, А.А. Ухтомский сформулировал взаимоотношение живой системы и раздражителя в виде следующих положений:

1) при одном и том же раздражении содержание текущей реакции определяется историей или функциональным состоянием живой системы;

2) при одном и том же функциональном состоянии живой системы содержание ее ответной реакции определяется особенностями действующего раздражителя.

Ухтомский доказал ошибочность распространенных представлений о рефлекторной деятельности, которая якобы имеет лишь защитное значение для организма и направлена на удаление или прекращение раздражения. Он подчеркнул, что рецепторы организма животного не могли развиваться, если бы рефлекторная система только защищала их от сближения с раздражителем. На примере анализа рефлекса экстензорного толчка (разгибания конечностей) А.А. Ухтомский обосновал представление, согласно которому рефлекторная система в первую очередь дает место реакциям сближения со средой, позволяющим распознавать ее, тогда как реакции защитного и отрицательного значения выступают лишь во вторую очередь.

Разрабатывая учение Введенского о физиологической лабильности, Ухтомский создал собственное учение об усвоении ритма (работа 1926 г. «Усвоение ритма в свете учения о парабииозе»). Учение об усвоении ритма используется и сегодня в физиологических исследованиях для понимания деятельности нервных клеток и отдельных структур мозга, а также при конструировании ряда автоматических устройств.

В 1927 г. были опубликованы книга Ухтомского «Физиология двигательного аппарата», развивающая оригинальную систему взглядов ученого на понимание природы утомления, а также монография «Учение о парабииозе».

С 1928 г. А.А. Ухтомский, в связи с выдвинутым им учением об усвоении ритма, предпринял глубокую разработку проблемы физиологической лабильности. Лабильность – характеристика живой ткани, выражающая способность ее воспроизвести определенное максимальное число возбуждений в единицу времени. Длительность протекания одиночного возбуждения характеризует ритм возбуждений, который способен воспроизвести тот или иной орган в единицу времени. Для классической физиологии этот ритм является постоянной и неизменной характеристикой органа, что привело к представлению о собственном ритме, различном и неизменном для разных органов.

Ухтомский установил способность органов и организма в целом перестраивать ритм своих возбуждений в соответствии с ритмом раздражений, навязываемым извне. Орган способен в широких пределах менять ритм воспроизводимых им возбуждений, удлиняя или укорачивая длительность протекания каждого возбуждения в отдельности, что дает возможность органу усваивать более высокие ритмы раздражения, присущие тому или иному органу. Им было доказано, что в процессе усвоения ритма деятельность и работоспособность органа не понижается, как этого можно было бы ожидать, а наоборот, повышается, сопровождается увеличением интенсивности обмена веществ и сокращением цикла или длительности отдельного возбуждения. Этот факт огромной принципиальной важности окончательно исключил возможность понимания процесса торможения как результата истощения деятельности организма.

Опираясь на учение об усвоении ритма и физиологической лабильности, А.А. Ухтомский незадолго до смерти поставил проблему биологического равновесия. Биологические системы, по мнению Ухтомского, характеризуются скоростями восстановления равновесия, причем они либо возвращаются к исходному состоянию равновесия, либо переходят к новому состоянию равновесия. С этой точки зрения, приспособляемость организма к среде следует рассматривать не только как способность более или менее быстрого возвращения к так называемому исходному равновесию, но и как способность создания новых видов равновесия.

Главным вкладом Ухтомского в науку является его учение о доминанте. Окончательно оно было сформулировано в 1922 г. В настоящее время оно вошло в повседневный клинический обиход. В психологии доминанта принята как физиологическая основа и предпосылка поведения.

Под доминантой Ухтомский понимал временно господствующий в центральной нервной системе очаг возбуждения. С одной стороны, он накапливает импульсы, идущие в нервную систему, а с другой – одновременно подавляет активность других центров, которые как бы отдают свои энергии господствующему центру, то есть доминанте. Особое значение Ухтомский придавал истории системы, считая, что ритм ее работы воспроизводит ритм внешнего воздействия. Благодаря этому нервные ресурсы ткани в оптималь-



ных условиях не истощаются, а возрастают. Активно работающий организм, согласно Ухтомскому, как бы «тащит» энергию из среды, поэтому активность организма, а на уровне человека его труд, усиливают энергетический потенциал доминанты. При том доминанта по Ухтомскому, – это не единый центр возбуждения, а «комплекс определенных симптомов во всем организме – и в мышцах, и в секреторной работе, и в сосудистой деятельности».

Господствующий в центральной нервной системе очаг возбуждения преобразует и изменяет работу прочих рефлекторных аппаратов в целом. Так, например, если в организме в данный момент осуществляется рефлекторный акт, связанный с приемом пищи, то он перестает реагировать на те раздражители, которые в других условиях вызывали бы у него защитные рефлексы. То же самое можно сказать и в отношении защитного рефлекса, полового рефлекса и т.д., когда при осуществлении одних рефлекторных движений исключается возможность выполнения других.

Доминанта – рабочий принцип и основное правило деятельности нервной системы, которому подчиняется осуществление любой рефлекторной реакции организма. Доминанта характеризуется следующими основными чертами:

- 1) в центре, становящемся доминантным, повышается возбудимость;
- 2) возбуждение в этом центре отличается стойкостью: оно не может быть мимолетным во времени;
- 3) доминирующий центр способен стимулировать возбуждение;
- 4) возбуждение доминантного центра обладает инерцией; дальние волны возбуждения подбадривают установившуюся доминантную реакцию, ускоряя ее разрешение;
- 5) возбуждение доминантного центра сопряжено с торможением других рефлекторных механизмов, не принимающих участия в доминантной реакции.

В психологическом плане доминанта является не чем иным, как мотивационным потенциалом поведения. Активное, устремленное к реальности, а не отрешенное от ее (созерцательное) поведение, так же как активное (а не реактивное) отношение организма к среде выступают как два необходимых аспекта жизнедеятельности организма..

Свои теоретические воззрения Ухтомский испытывал как в физиологической лаборатории, так и на производстве, изучая психофизиологию рабочих процессов. При этом он считал, что у высоко развитых организмов за видимой «обездвиженностью» таится напряженная психическая работа. Следовательно, нервно-психическая активность достигает высокого уровня не только при мышечных формах поведения, но и тогда, когда организм, по видимости, относится к среде созерцательно. Эту концепцию Ухтомский назвал «оперативный покой», иллюстрируя известным сравнением поведения щуки, застывшей в своем бдительном покое, с поведением «рыбьей мелочи», не способной к этому. Таким образом, в состоянии покоя организм удерживает неподвижность с целью детального распознавания среды и адекватной реакции на нее.

Для доминанты также характерна инертность, то есть склонность поддерживаться и повторяться, когда внешняя среда изменилась и раздражители, некогда вызывавшие эту доминанту, более не действуют. Инертность нарушает нормальную регуляцию поведения, она становится источником навязчивых образов, но она же выступает в качестве организующего начала интеллектуальной активности. Следы прежней жизнедеятельности могут существовать одновременно в виде множества потенциальных доминант. При недостаточной согласованности между собой они могут привести к конфликту реакций. В этом случае доминанта играет роль организатора и подкрепителя патологического процесса.

Механизмом доминанты Ухтомский объяснял широкий спектр психических актов – внимание (его направленность на определенные объекты, сосредоточенность на них и избирательность), предметный характер мышления (вычленение из множества раздражителей среды отдельных комплексов, каждый из которых воспринимается организмом как определенный реальный объект в его отличии от других). Это «разделение среды на предметы» Ухтомский трактовал как процесс, состоящий из трех стадий: укрепление наличной доминанты, выделение только тех раздражителей, которые являются для организма биологически интересными, установление адекватной связи между доминантой (как внутренним состоянием) и комплексом внешних раздражителей. При этом он считал, что наиболее отчетливо и прочно закрепляется в нервных центрах то, что переживается эмоционально.

Ухтомский считал, что истинно человеческая мотивация имеет социальную природу и наиболее ярко выражается в доминанте «на лицо другого». Он писал, что «только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого». И именно с этого момента сам человек впервые заслуживает того, чтобы о нем заговорили как о лице. Это, согласно Ухтомскому, одна из самых труднодостижимых доминант, которую человек призван воспитывать в себе.

Идеи, развитые Ухтомским, связывают в единый узел психологию мотивации, познания, общения и личности. Его концепция, явившаяся обобщением большого экспериментального материала, широко используется в современной психологии, медицине и педагогике.

# **6 КАЩЕНКО ВСЕВОЛОД ПЕТРОВИЧ: создание коррекционной психологии и педагогики**

## **Биографический очерк**

В отечественной психолого-педагогической науке немало имен, оказавшихся по тем или иным причинам забытыми или недостаточно признанными. К их числу относится и Всеволод Петрович Кащенко. Труды В.П. Кащенко издавались до революции и в первое десятилетие советской власти, затем наступил период забвения, и книга «Педагогическая коррекция», написанная в 30-е гг., увидела свет лишь в 1992 г. Брат Всеволода Петровича – Петр Петрович Кащенко (1858 – 1920), известный русский психиатр, организатор русской психиатрии.

В.П. Кащенко родился 21 марта 1870 г. в городе Ейске на Кубани. Его отец Петр Федорович Кащенко был военным врачом. В 1875 г., когда отец умер, в семье осталось семеро детей. Мать, Александра Павловна, сделала все, чтобы дети получили образование. В 1891 г., окончив ставропольскую гимназию, В.П. Кащенко поступил на медицинский факультет Московского университета, окончить который ему не удалось.

В начале 90-х гг. Всеволод Петрович, как в свое время его брат Петр Петрович (который оказал большое влияние на формирование его личности), примкнул к студенческому революционному движению. За участие в студенческих революционных кружках в 1894 г. он был исключен из университета и выслан из Москвы. Только в 1897 г. Кащенко сумел окончить университет в Киеве.

По окончании университета Всеволод Петрович выбрал деятельность земского врача. Однако репутация политически неблагонадежного значительно осложняла его работу, и ему приходилось постоянно переезжать из губернии в губернию. В 1904 г. В.П. Кащенко по распоряжению царского министра внутренних дел Плеве был лишен права занимать должности на государственной службе. В 1905 г. Всеволод Петрович участвовал в Москов-

ском вооруженном восстании; он был организатором и председателем Московского комитета помощи раненым революционерам.

Разработке вопросов воспитания и обучения трудных детей способствовало знакомство Всеволода Петровича Кащенко с А.Н. Бернштейном, Г.И. Россолимо, А.П. Нечаевым и А.Ф. Лазурским.

В 1908 г. Всеволод Петрович предпринял поездку за границу с целью изучения опыта воспитания аномальных детей в Германии, Швейцарии, Италии, Бельгии.

После революции 1905 г. В.П. Кащенко начал работу по созданию специального медико-педагогического учреждения для педагогически запущенных, трудных детей. В 1908 г. в Москве на Девичьем поле (ул. Погодинская, 8; дом не сохранился; сейчас на этом месте расположен Институт коррекционной педагогики РАО) было открыто учреждение для аномальных детей, которое получило название «Школа-санаторий для дефективных детей доктора В.П. Кащенко». Школа-санаторий была лечебно-воспитательным учреждением. Она обслуживала детей малоуспевающих, нервных, трудных в воспитательном отношении: ленивых, возбудимых, вялых, истеричных. Не принимались в школу идиоты, глубоко отстающие, эпилептики. Приему подлежали дети в возрасте от четырех до шестнадцати лет. Одновременно учреждение могло обслуживать двадцать два воспитанника, которые делились на три «семьи». «Семья» имела воспитателя, жившего в одном дортуаре с воспитанниками. Каждая «семья» жила, питалась и играла отдельно. Для учебных занятий воспитанники в соответствии со своими индивидуальными особенностями были разделены на более мелкие подгруппы. Цель учреждения – исправление недостатков развития путем лечения, воспитания и обучения и подготовка воспитанников к самостоятельной жизни.

Всеволод Петрович не ограничивал свою деятельность рамками конкретного лечебно-педагогического учреждения. Он видел свою задачу в изменении отношения общества в целом к детям с нарушениями поведения. В 1909 г. на 12-м Съезде естествоиспытателей и врачей он выступил с докладом «Об устройстве лечебно-педагогических заведений для умственно отсталых и морально отсталых детей». По докладу была принята резолюция о необходимости создания специальных учреждений для ненормальных детей.

В.П. Кащенко принял активное участие в работе 3-го Съезда отечественных психиатров в 1910 г. и сделал доклад «К вопросу о воспитании и обучении дефективных детей», в котором указал на социальную значимость общественной заботы об аномальных детях. Она заключается в предупреждении преступности и других антисоциальных явлений. В докладе Всеволод Петрович критиковал царское правительство за его равнодушие к вопросам просвещения аномальных детей и призывал начать общественное движение за обучение и воспитание ненормальных детей.

В дальнейшем в публичных выступлениях Всеволод Петрович неоднократно ратовал за необходимость обучения и воспитания ненормальных детей. Об этом же он писал в газетах «Раннее утро», «Русские ведомости». В целях популяризации опыта работы школы-санатория В.П. Кащенко выпускал труды своих сотрудников.

После Октябрьской революции Всеволод Петрович продолжил работу по воспитанию и обучению трудных детей, прекрасно понимая актуальность поставленных им задач и своевременность предлагаемых мероприятий по их разрешению в новых социально-политических условиях. При этом В.П. Кащенко видел пределы своих возможностей, границы педагогического влияния.

В первые годы советской власти остро встала задача борьбы с детской беспризорностью. В.П. Кащенко совместно с деятелями народного образования – А.И. Елизаровой (Ульяновой), Г.И. Россолимо, А.С. Грибоедовым и др. – отдал много сил делу подготовки съездов и конференций по вопросам детской дефективности. Значительным событием в этом отношении явился Первый всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью, который проходил в Москве в 1920 г. Председателем организационного комитета съезда был В.П. Кащенко. Через год в Москве была проведена Всероссийская конференция по борьбе с детской дефективностью. Всеволод Петрович выступил с докладом, в котором пытался сформулировать теоретические основы специальной педагогики. «Исправление глубоких недостатков характера ребенка... осуществимо в первую очередь через воспитание. Сотрудничество врача и педагога... – вот единственно возможный путь борьбы с психопатическими и нервными состояниями и заболеваниями в детском возрасте».

По собственной инициативе В.П. Кащенко передал Наркомпросу школу-санаторий. В 1918 г. на ее базе был создан Дом изучения ребенка, который в дальнейшем преобразовался в Медико-педагогическую клинику, а с 1923 – 1924 гг. – в Медико-педагогическую опытную станцию, руководимую В.П. Кащенко. В то время это было единственное центральное опытно-показательное учреждение в области детской дефективности.

В дальнейшем на базе Медико-педагогической станции были открыты научные центры дефектологии: Экспериментальный дефектологический институт, реорганизованный в 1934 г. в Научно-практический институт специальных школ и детских домов, в 1943 г. – в Научно-исследовательский институт дефектологии АПН РСФСР (в 1966 г. АПН РСФСР преобразовали в АПН СССР), а затем в 1992 г. – в Институт коррекционной педагогики РАО. Он руководил им до 1924 г., то есть до того момента, пока институт не был преобразован в дефектологическое отделение педагогического факультета Второго московского государственного университета. В дальнейшем это отделение было преобразовано в дефектологический факультет МГПИ им. Ленина (сейчас МПГУ), на котором до 1931 г. Кащенко заведовал кафедрой лечебной педагогики.

Однако далеко не всегда В.П. Кащенко встречал понимание со стороны государства. В 1926 г. он был освобожден от должности директора Медико-педагогической станции. А созданный им Музей исключительного детства уничтожен. В Музее хранились игрушки, рисунки, поделки из дерева, а также коллекция портретов известных отечественных и зарубежных исследователей аномальных детей – все это уже никогда не удастся восстановить. Всеволоду Петровичу не отказало мужество, и он продолжал работать.

В 1928 г. В.П. Кащенко вошел в состав редколлегии журнала «Вопросы дефектологии» и оставался ее членом вплоть до закрытия журнала в 1931 г. (с 1968 г. издается журнал «Дефектология»).

С 1928 г. и до конца жизни В.П. Кащенко много работал над проблемами логопедии, будучи профессором-консультантом поликлиники Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР и поликлиники Второго медицинского института.

В 1938 г. Всеволоду Петровичу Кащенко была присуждена ученая степень кандидата педагогических наук без защиты диссертации.

В последние годы В.П. Кащенко много болел. Он умер в Москве 30 ноября 1943 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

### **Основные научные положения**

Всеволод Петрович стоял у истоков современной коррекционной, или, как он ее называл, коррективной (лечебной), педагогики и заложил основы психолого-педагогической работы с исключительными, педагогически запущенными, трудновоспитуемыми детьми. Термин «лечебная педагогика» вскоре надолго ушел из лексики отечественных педагогов и психологов, однако в последнее время исследователи вновь к нему обращаются. Под лечебной педагогикой понимается система лечебно-педагогических мероприятий, имеющих целью предупреждение, лечение и коррекцию отклонений в развитии ребенка.

В.П. Кащенко принадлежит около 25 печатных работ в виде монографий и статей в трудах различных съездов, сборниках, посвященных общим проблемам дефектологии, истории обучения и воспитания дефективных детей. Около 20 работ выполнено под руководством В.П. Кащенко. Всеволод Петрович считал, что прежде чем помогать ребенку, его надо знать: «Мы должны знать ребенка – *знать* больше и лучше, чем знаем устройства машин, с которыми работаем, мы должны *знать методы, приемы его воспитания*, как мы знаем способы управления машиной». Педагог, работающий с ребенком, а тем более ненормальным ребенком, должен быть профессионально грамотным. И Всеволод Петрович поставил задачу подготовки дефектологов-профессионалов. Когда в 1920 г. был открыт Педагогический институт детской дефективности, его ректором был назначен В.П. Кащенко.

В школе-санатории особые требования предъявлялись к педагогам, поведение которых, по мнению Всеволода Петровича, определяет психическое здоровье всего коллектива. Не менее важной считалась и работа с родителями детей, так как опыт показал, что специальные детские учреждения страдают от непонимания родителями своих задач.

В.П. Кащенко писал, что лучший способ борьбы с исключительной ситуацией – ее предупреждение, профилактика. «Совершенствование общества, несомненно, способствует сокращению численности исключительных детей. Но проблема таких детей



вряд ли будет снята с повестки дня и в отдаленном будущем». Однако это не мешало ему верить в успех мероприятий, направленных на исправление недостатков психического и физического развития детей.

В.П. Кащенко понимал, что причины детской исключительности могут быть разными, и отклонения в поведении вызываются врожденными или приобретенными факторами. Однако главную роль Кащенко отводил социальным факторам.

В современной психолого-педагогической науке трудными принято считать детей, демонстрирующих явные отклонения в личностном развитии. Отнесение ребенка к данной категории осуществляется, как правило, по внешним проявлениям его индивидуально-психологических особенностей, служащих препятствием для нормального протекания учебно-воспитательного процесса. Такое понимание проблемы трудного детства вполне согласуется с идеями, развиваемыми Всеволодом Петровичем. Он писал: «...эпитетом трудные мы подчеркиваем характерную особенность в их жизненных проявлениях (а также и в педагогическом плане), связанную с устойчивыми отклонениями от нормы тех или иных сторон формирующейся личности, обусловленными физическими или умственными недостатками, дефектами и проявляющимися в осложненной форме поведения».

По мнению В.П. Кащенко, в появлении трудных детей виновато все общество, а потому и ответственность за них лежит на обществе в целом. «Воспитывает не учитель, а все общество в целом, вся атмосфера и вся обстановка нашей культуры и быта, вся живая повседневность, в которой нет мелочей. Каждый наш поступок, который видят или слышат дети, каждое наше слово и даже более того – интонация, с которой оно произносится, являются каплями, падающими в тот поток, который мы называем жизнью ребенка, формированием его личности».

В 1910 году широкую известность получили предложенные Г.И. Россолимо методы количественного исследования психических процессов – так называемые психологические профили. В дальнейшем В.П. Кащенко, составляя программу изучения личности ребенка, включил в нее социальный профиль. Задача социального профиля состоит в учете социально-экономических и биологических условий, которые «создают, развивают, даже, так сказать,

культивируют детскую исключительность... и одновременно указывают на пути предупреждения и устранения дефектов личности ребенка».

Согласно В.П. Кащенко обучение детей должно строиться на основе пробуждения у них самостоятельности и активности в ходе усвоения знаний. Основным методом, обеспечивающим развитие способностей и коррекцию личности, в его школе-санатории были занятия ручным трудом. Всеволод Петрович подчеркивал необходимость начинать обучение с пробуждения у учащихся интереса к результатам труда. Первоначально результатами труда были игрушки, затем предметы домашнего обихода. Интерес пробуждался путем демонстрации детям хорошо выполненной вещи и ее практического назначения. За желанием иметь вещь следовало стремление ее изготовить. Интерес к учению поддерживался благодаря максимальной конкретизации учебного материала на основе использования наглядных пособий, а также наличия тесной связи между всеми предметами.

Несомненно, что В.П. Кащенко внес огромный вклад в науку и практику работы с трудными детьми. До сих пор девизом гуманного отношения к детям могут служить его слова: «Главное, чем все эти годы был озабочен мой ум и чем болела душа, – это проблема ребенка».

# **7 ГАННУШКИН ПЕТР БОРИСОВИЧ: разработка области «малой психиатрии»**

## **Биографический очерк**

П.Б. Ганнушкин родился 8 марта 1875 г. в деревне Новоселки Пронского уезда Рязанской губернии в многодетной семье сельского врача. Отец был очень занятым человеком, т.к. часто выезжал к больным, однако он старался быть внимательным и заботливым в отношениях с детьми, вникал во все их нужды. Мать дала своим детям первоначальное образование.

В 1884 г. семья переезжает в Рязань, где отец получает работу в мужской гимназии. Туда же поступает учиться и Петр Ганнушкин. Его учеба протекает весьма успешно, однако мальчик избегает участия в различных кружках. Будучи очень общительным, он не любил строгую дисциплину. Примерно с 13 лет будущий психиатр уже начал проявлять интерес к характеру и психике человека. В этом же возрасте он прочитал труд И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», в котором автор попытался провести взаимосвязь между психическим состоянием человека и его физическими действиями. Возможно, именно эта книга заставила П.Б. Ганнушкина уже тогда задуматься о природе человеческой психики.

Во время учебы П.Б. Ганнушкина в гимназии в Рязанской губернии произошло значительное событие. Земский психиатр Н.Н. Баженов провел реорганизацию психиатрической помощи в своем отделении. Он отказался от смиренных рубашек, ввел систему «открытых дверей» и психиатрический патронаж, а также значительно улучшил условия содержания психически больных в своей клинике. Из ранга сумасшедших он возвысил их до уровня просто больных людей, успешно применял и «трудотерапию». Деятельность этого замечательного человека не могла пройти мимо внимания гимназиста П.Б. Ганнушкина. Эти события несомненно оставили свой след в его формирующемся сознании.

В 1893 г. П.Б. Ганнушкин оканчивает гимназию с золотой медалью и поступает в Московский университет на медицинский факультет. Здесь он с увлечением погружается в изучение медицинских наук. В этом университете в то время читают лекции такие известные ученые, как И.М. Сеченов, М.П. Черинов (профессор кафедры общей терапии и диагностики), А.Я. Кожевников (внес значительный вклад в развитие отечественной неврологии и психиатрии), а также С.С. Корсаков (его докторская диссертация «Об алкогольном параличе» получила мировую известность).

После 3-го курса П.Б. Ганнушкин окончательно выбрал для себя психиатрию как медицинскую специальность. Он занимается на кафедре нервных болезней под руководством А.Я. Кожевникова, а на 5-м курсе изучает психиатрию у С.С. Корсакова. Во время учебы в университете П.Б. Ганнушкин одновременно работает в клинике для душевнобольных, исполняя обязанности младшего и среднего медицинского персонала. Здесь он имеет возможность воочию ознакомиться с различными врачебными системами.

В 1898 г. П.Б. Ганнушкин заканчивает университет. Ему предлагают занять место штатного ординатора, однако он отказывается. Проработав 4 года, Петр Борисович в 1902 г. занимает должность внештатного ассистента в психиатрической клинике В.П. Сербского. В это время он занимается разработкой материалов амбулаторной клиники и на их основе пишет ряд научных трудов. Особое влияние на П.Б. Ганнушкина оказывает ассистент С.С. Корсакова С.А. Суханов. Они совместно опубликовали 6 научных работ, в которых провели анализ не смешанных, а однородных форм болезней. Они выделили особую конституцию навязчивых идей и показали, как в некоторых случаях они могут перейти в слабую форму шизофрении. Авторы отметили, что сексуальные отклонения, присущие человеку при навязчивых идеях, являются лишь сопутствующим явлением, а не причиной болезни (в отличие от теории З. Фрейда).

В 1904 г. П.Б. Ганнушкин защищает докторскую диссертацию «Острая паранойя», написанную под руководством В.П. Сербского. После этого он начинает работать приват-доцентом кафедры душевных болезней Московского университета, читая курс «Учение о патологических характерах».

В 1905 г. Ганнушкин отправляется в Мюнхен на курсы усовершенствования по психиатрии в клинике Э. Крепелина, который способствовал развитию нозологического направления в психиатрии. После этого Ганнушкин стал сторонником его учения. В 1908 и 1911 гг. он вторично прошел эти курсы. В 1907 г. Петр Борисович посетил Парижскую психиатрическую больницу святой Анны, где ознакомился с методами профессора В. Маньяна, который придавал большое значение синдромологическому направлению в психиатрии. Э. Крепелин выступал против этого направления, рассматривая психическую болезнь как закономерный биологический процесс. В нозологии он особо важное значение придавал исходу болезни, при этом мало уделяя внимания симптомам.

Многие, в том числе и В.П. Сербский, выступали против учения Э. Крепелина. Когда В.П. Сербский отказался вводить коллегиальное правление в клинике, усилились противоречия между ним и остальными врачами, а началось это как раз с игнорирования им учения Э. Крепелина. В 1906 г. третейский суд вынес решение о необходимости коллективного ведения дел в клинике. Профессор В.П. Сербский не согласился с этим решением и начал активно увольнять врачей, не поддерживавших его. В знак протеста из клиники добровольно ушло 20 сотрудников, среди которых был и П.Б. Ганнушкин.

Следующий этап его профессиональной деятельности связан с Московской Алексеевской психиатрической больницей. П.Б. Ганнушкин работал там в качестве врача-ординатора до 1914 г. Практическая психиатрия имела для него очень важное значение. Вскоре после этого он организует издание журнала «Современная психиатрия», а также становится весьма влиятельным членом Русского союза психиатров и невропатологов.

В 1914 г. его призывают в армию, а в 1917 г. Ганнушкин демобилизован по болезни. Он возвращается в Алексеевскую больницу, а с 1918 г. работает профессором кафедры психиатрии в Московском университете и директором университетской психиатрической клиники. П.Б. Ганнушкин продолжает развивать учение о психопатиях, придавая особое значение взаимосвязи психиатрии со всеми социальными и политическими событиями, происходящими в обществе. Войну и революцию он классифицировал как «травма-

тическую эпидемию» всего населения, отмечая наличие связи и взаимовлияния психики людей в целом и их социальной жизни.

Петр Борисович Ганнушкин умер довольно рано – в 57 лет (в 1933 г.)

### **Основные научные положения**

П.Б. Ганнушкин, один из виднейших русских психиатров, определяя задачи психиатрии, отмечал, что ни в одной отрасли медицины не представлена столь ярко сторона социальная. С психиатрией, указывал он, связаны важные социальные проблемы. Положение об обусловленности психики социальными условиями жизни, которое отличало взгляды русских психиатров, представляло собой исходное общее положение того направления, которому следовала психиатрия в России. Всей своей научной и профессиональной деятельностью Ганнушкин утверждал значимую взаимосвязь врача-психиатра с общественной жизнью, т.к. в основе социальных действий находится состояние психики человека, и в этом плане труд психиатров становится ответственным и значительным.

В 1904 г. П.Б. Ганнушкин, работавший в психиатрической клинике Московского университета, начал читать курс «Учение о патологических характерах», которым положил начало разработке учения о психопатиях и неврозах. Пограничную полосу между здоровым и больным психическим состоянием он называет малой психиатрией, однако отмечает, что эта область требует большего опыта, знаний и навыков, чем большая психиатрия, т.к. круг людей, подпадающих под это определение, значительно шире.

Как клиницист Ганнушкин воспринял лучшие традиции корсаковской школы – связь научных исследований с запросами практики и интерес к задачам организации психиатрической помощи. Обращенные к психопатиям, эти традиции приводили к вопросам социальной психологии, и в частности к вопросам социально-психологического климата. Врачебная деятельность Ганнушкина началась в клинической амбулатории, где он встречался с больными, остающимися вне стен психиатрического стационара, и здесь из общения с этими больными родились его мысли о психопатиях.

В 1908 г. уже известный тогда врач-психиатр П.Б. Ганнушкин опубликовал статью «Постановка вопроса о границах душевного здоровья», в которой говорил о том, что наблюдаются личности,

резко отличающиеся и от нормальных людей, и от душевнобольных. Их отличие бросается в глаза, но обыкновенно они остаются в условиях обычной жизни, принимают в ней посильное участие и являются известным социальным фактором, который всегда необходимо учитывать.

В отношении пограничных состояний Ганнушкиным были предложены два пути их изучения – от болезни к здоровью и от здоровья к болезни. Первый путь – изучение личности в пределах клинического опыта. Второй – выход за его пределы, что предполагало изучение личности в ее обычных условиях жизни и деятельности, а значит, в социальных условиях.

Труд Ганнушкина «Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика» можно назвать классическим. В нем очень подробно рассматривается проблема психопатий и дано их четкое определение, включающее:

- 1) приращенность патологических особенностей;
- 2) их отражение на всей душевной жизни и развитии личности;
- 3) эти особенности таковы, что их носители находятся на грани душевного здоровья и болезни.

Основной темой этой книги можно назвать динамический характер психопатий. Ганнушкин писал, что психопатическими называются личности, с юности, с момента формирования представляющие ряд особенностей, которые отличают их от так называемых нормальных людей и мешают им безболезненно для себя и других приспособляться к окружающей среде. Присущие им патологические свойства личности представляют собой постоянные, врожденные свойства личности, которые хотя и могут в течение жизни усиливаться или развиваться в определенном направлении, однако обычно не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям.

Применяя динамический принцип, П.Б. Ганнушкин расширил понятие психопатии, определив ее как изменяющееся под влиянием окружающей среды личностное образование, а не застывшую аномалию одной из черт характера. Динамика возраста и социальных условий лежит в основе развития психопатии. Поэтому при клиническом лечении и исследовании психопатий П.Б. Ганнушкин рекомендует также производить изучение окружающей среды больного.

Всякое неблагополучие существования человека обязательно сказывается на его психическом здоровье. П.Б. Ганнушкин отметил,

что чаще всего вспышки психопатии проявляются в подростковом возрасте. И здесь самым главным для дальнейшего благополучного влияния на личность является правильное воспитание. Условия жизни, общие социальные установки и правильно организованный труд – основные факторы, влияющие на течение психопатии.

Согласно Ганнушкину, психопатия как врожденная аномалия личности, выражающаяся в дисгармоничности и неуравновешенности психики, обуславливает плохую социальную приспособляемость человека, что прежде всего нарушает его общение с другими людьми и приводит к конфликтам. Забота врачей-психиатров заключается в том, чтобы ослабить конфликты, возникающие при психопатиях, с одной стороны, а с другой – отличать их от других психопатических форм поведения. Речь шла о лечении в одних случаях и перевоспитании – в других, т.е. о применении методов социального и педагогического воздействия. Однако и в тех и в других случаях первая необходимость была в помощи при налаживании общения с людьми.

Различение психопатий и социально-обусловленных психопатических форм поведения подводило к трудной проблеме врожденного и приобретенного в ее соотношении с проблемой биологического и социального у человека, поскольку это были все же не тождественные проблемы. Проблемы, о которых идет речь, в то время лишь возникали и перед психологами и перед психиатрами, к решению их обе области знания совместно подошли в наши дни.

П.Б. Ганнушкин живо интересовался психоаналитическими идеями и в качестве эксперимента применял их на практике. В своей работе «О психотерапии и психоанализе» он высказал мнение, что при определенных условиях психотерапию можно использовать во врачебной практике.



# 8

## ЛЕСГАФТ ПЕТР ФРАНЦЕВИЧ: концепция об умственном и физическом развитии личности

### Биографический очерк

П.Ф. Лесгафт родился в 1837 году. Профессор анатомии, оригинальный теоретик и искусный педагог-практик, Лесгафт оставил глубокий след в развитии педагогики и педагогической психологии в России в конце XIX – начале XX в. Будучи человеком передовых научных и общественных убеждений, активным общественным деятелем и популярнейшим в Петербурге «вольным» учителем молодёжи, Лесгафт проявлял большой интерес к педагогическим и психологическим вопросам. Его взгляды в этих областях науки отражают его гуманистические идеи и общественно-нравственные направления всей его деятельности. Среди многочисленных заслуг П.Ф. Лесгафта перед отечественной наукой особое место занимают созданная им оригинальная теория физического образования и система подготовки кадров для ее внедрения в жизнь.

В 1877 г. Лесгафт по собственному плану организует учебно-гимнастические курсы для подготовки учителей по гимнастике. В 80-е годы Лесгафт создает ряд значительных работ, где показывает единство физического и психического («О генетической связи между выражением лица и деятельностью мышц, окружающих органы высших чувств», 1881) и раскрывает особенности физического развития и воспитания («Физическое развитие в школах», 1880, «Школьные типы», 1884).

Активная педагогическая деятельность в университете не могла отвлечь Лесгафта от главных его устремлений – разработки своей системы физического образования и ее практического внедрения. Этими устремлениями пронизан критический анализ состояния вопроса в теории («О педагогической литературе последнего времени», 1887) и практике («Значение физических упражнений для войск», 1888). Особое место среди работ этого периода занимают капитальные труды «Руководство по физическому образова-

нию детей школьного возраста» и «Семейное воспитание ребенка и его значение».

Он создает различные курсы по подготовке руководителей физического воспитания и образования, биологическую лабораторию – научный центр и учебную базу со специальным печатным органом, руководит организацией детских площадок, катков по линии «Общества содействия физическому развитию учащейся молодежи», созданного по его же инициативе.

Это общество ставило следующие задачи: разрабатывать вопросы, относящиеся к физическому воспитанию и образованию в целях установления нравственных взглядов родителей и воспитателей на этот предмет, и практически содействовать, по мере возможности, физическому развитию детей и молодых людей.

При поддержке общества П.Ф. Лесгафт добился разрешения на открытие «Курсов воспитательниц, руководительниц физического образования» (1896 г.).

Научно-педагогическая и общественная деятельность Лесгафта, находившаяся под контролем царской полиции, затруднялась различного рода запрещениями. Так, в донесениях охранников отмечалось, что лекции и беседы Лесгафта «оказывают на слушательниц вредное влияние, вселяя в них революционные убеждения», и что многие слушательницы Лесгафта – «личности не благонадежные».

Когда же П.Ф. Лесгафт организовал сбор подписей под протестом по поводу избиения студентов-демонстрантов полицией и жандармерией, последовала его высылка из Петербурга как неблагонадежного (1901 г.). Однако, вернувшись через год из ссылки, Лесгафт продолжал активную общественно-педагогическую деятельность на созданных им Курсах руководительниц физического образования. К чтению лекций привлекались прогрессивные ученые и общественные деятели: В.Л. Комаров, Е.В. Тарле, И.П. Павлов, Н.А. Морозов, А.А. Ухтомский, М.М. Ковалевский.

В начале нового века публикуются статьи П.Ф. Лесгафта: «Физическое образование в школах», «К вопросу о физическом образовании в школах» (1902 г.); «Значение школы» (1907 г.) и др. Осуществляется второе издание первой части «Руководства по физическому образованию детей школьного возраста» (1904). В год своей смерти П.Ф. Лесгафт успел опубликовать 2-е издание второй части

«Руководства». Скончался П.Ф. Лесгафт 11 декабря 1909 г. в Египте. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге. Похороны носили характер политической демонстрации против самодержавно-полицейского режима. В них участвовало свыше 5000 человек. На ленте одного из многочисленных венков выделялась надпись: «Ты жил впереди нас: время твоих идеалов еще не пришло».

### **Основные научные положения**

В трудах П.Ф. Лесгафта – касаются ли они анатомии и физиологии, психологии и педагогики, гигиены и общей теории развития организма – человек всегда рассматривается как целостный организм и личность одновременно. Отсюда вытекают сложнейшие вопросы взаимосвязей умственного, нравственного, эстетического и физического развития и взаимовлияний соответствующих им сторон воспитания. П.Ф. Лесгафт разработал концепцию «школьных типов», в основание которой легли наблюдения над различиями в поведении людей по отношению к сверстникам, взрослым, процессу обучения. Соответственно своему пониманию нервно-психического развития Лесгафт в 1884 г. в своей знаменитой книге «Школьные типы», устанавливая периодизацию индивидуально-психического развития человека, стремился показать вычленение из первоначальной рефлекторной деятельности нервно-психической сферы подражательности и на её основе – творчества. Тем самым он принимал рефлекторную теорию для объяснения начального развития человеческой психики и отвергал её как объяснение всего процесса формирования и развития психики.

Подчёркивая роль подражательности в развитии личности ребёнка, Лесгафт раскрывал свою основную идею, согласно которой родители творят своих детей не только физически, но и нравственно, вызывая у них подражание как своим достоинствам, так и своим порокам и недостаткам.

Именно на этом положении основана резкая критика Лесгафтом реакционных толкований учения о наследственности, находивших широкое отражение в педагогической литературе того времени. Лесгафт писал, что типичность как следствие влияния семейной жизни прямо исключает наследственность; ребенок не рождается лицемером, а становится таковым в семье, не приучаясь

рассуждать и не получая понятия о правде; он не появляется на свет честолюбивым, а таким делается постоянным поощрением отличиями и восхищением его действиями и способностями.

Лесгафт доказывает, что способности личности могут быть унаследованы только в виде темперамента, выражающегося различиями в силе и скорости действий и размышлений, в энергии их проявления, которая еще изменяется в различном возрасте, смотря по условиям, при которых живет человек; ни в каком другом смысле передача наследственных способностей не может быть допущена, что, без сомнения, необходимо помнить при воспитании.

В основных трудах Лесгафта прослеживаются положения, раскрывающие сущность взаимоотношения между телесными и душевными явлениями. Он резко критикует попытки обособить «душевные» и «телесные» явления. «При такой постановке вопроса следует совершенно отвергнуть всю психиатрию и даже всю медицину, а также педагогику и нельзя признать за этими дисциплинами никакого научного значения».

В «Руководстве» мы читаем: «Между умственным и физическим развитием человека существует тесная связь, вполне выясняющаяся при изучении человеческого организма и его отправления» и «тесная связь, существующая между непосредственными физическими и душевными проявлениями, с одной стороны, и внешним их выражением, с другой, ясно показывает необходимость гармоничного физического и умственного развития в школе».

Теория физического воспитания и теория характера у Лесгафта теснейшим образом переплетаются. Лесгафт высоко расценивал активность сознания как свойства мозга и одно из важных проявлений этой активности видел в труде и физических усилиях тела человека.

Одной из ведущих идей научного мировоззрения и педагогической практики П.Ф. Лесгафта было гармоническое развитие человека, физическое и духовное, посредством физических упражнений. Создаваемая Лесгафтом русская система физического образования была направлена на всестороннее развитие личности.

Руководствуясь принципом сенсомоторного единства, он разработал теорию физического образования, в качестве главной цели которого утверждалась «сознательная физическая работа». Однако неправомерно ограничиваться гимнастическими методами, направ-

ленными на то, чтобы развивать одни лишь физические силы человека. Этот прием Лесгафт считал неудовлетворительным, потому что школа должна развивать в ребенке не только силы, но главным образом умение управлять ими, умение целесообразно применять их в деятельности. Тем самым физические упражнения подчинялись более широкой задаче общего психофизического формирования личности. Не развитие нервно-мышечного аппарата самого по себе, а в первую очередь развитие умения им управлять становилось ключевым для теории и практики физического воспитания.

Управление телом – категория сенсорно-интеллектуального порядка, а умение управлять им – особая сенсомоторная способность. Мышечные движения необходимо предполагают знакомство с пространственно-временными отношениями. Оно начинается в сфере элементарной чувствительности, а в дальнейшем переходит к свойственной человеку сознательной регуляции движения, для которой характерно оперирование словесными значениями. Сознательное управление поведением возможно, согласно Лесгафту, только на основе слова. Отсюда и его принцип учить ребенка управлять движениями посредством слова. Способность перейти от чувственно-образной регуляции к словесной рассматривалась как важнейшее условие воспитания самостоятельности поведения.

Важнейшее место Лесгафт отводил реальным действиям, признавая за ними роль проверочного средства умственных действий. Особенно важным Лесгафт считал принцип предвидения результата своих действий, осознания того, что надо сделать в упражнении. В частности, широко практиковалось выполнение упражнений «со слов», без предварительного показа, чтобы у ученика возникало ясное предварительное представление о результате и способе его достижения.

Физическое образование поэтому выступает в системе Лесгафта не только как предпосылка воспитания умственного в том смысле, что физически развитый и закаленный организм – благодатная почва для умственной деятельности. Такой организм способен сознательно управлять мышечными актами, менять в случае необходимости стратегию поведения, сравнивать и контролировать как его отдельные звенья, так и их взаимодействие. Иначе говоря, воспитание ума и воспитание тела – единый процесс.

Физические упражнения, обладая материальной (физической) и духовной (идеальной) сторонами, кроме образования были нацелены Лесгафтом и на физическое развитие, совершенствование силы, выносливости, быстроты, ловкости. В последующем это направление закрепилось как теория овладения навыками и двигательными качествами.

Многое в трудах П.Ф. Лесгафта выходит за рамки исторического значения и может быть сегодня использовано в современной теории и практике физического воспитания и подготовке педагогических кадров этого профиля.

## Список литературы

1. Ананьев, Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. – М., 1947. – 168 с.
2. Аншакова, В.В. Проблемы личности в экспериментальной и эмпирической психологии (Россия, конец XIX – начало XX в.) / В.В. Аншакова. – Астрахань, 2003.
3. Большакова, В.В. Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Часть 1. Проблема формирования личности / В.В. Большакова. – Нижний Новгород, 1994. – 160 с.
4. Братусь, Б.С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение / Б.С. Братусь. – М., 2000. – 88 с.
5. Будилова, Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке / Е.А. Будилова. – М., 1983. – 231 с.
6. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / под ред. Ломова Б.Ф. и др. – М., 1990.
7. Каннабих, Ю. История психиатрии / Ю. Каннабих. – М., 1994. – 528 с.
8. Кольцова, В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии / В.А. Кольцова. – М.: ИПРАН, 2004. – 416 с.
9. Костина, О.А. Психическое здоровье как проблема возрастной и педагогической психологии в наследии В.М. Бехтерева: Автореф. дис. ...канд. психол. наук / О.А. Костина. – Нижний Новгород, 2006. – 25 с.
10. Марцинковская, Т.Д. История психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.Д. Марцинковская. – М., 2004. – 544 с.
11. Марцинковская, Т.Д. 100 выдающихся психологов мира / Т.Д. Марцинковская, М.Г. Ярошевский. – Воронеж, 1996.
12. Петровский, А.В. История психологии: учебное пособие для высшей школы / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М., 1994.
13. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. – М., 1997. – 576 с.
14. Степанов, С.С. Психология в лицах / С.С. Степанов. – М., 2001. – 384с.
15. 100 великих психологов. – М., 2004. – 432 с.
16. Шульц, Д.П. История современной психологии: перев. с англ. / Д.П. Шульц, С.Э. Шульц. – СПб., 1998. – 528 с.
17. Ярошевский, М.Г. История психологии / М.Г. Ярошевский. – М., 1990.

## Содержание

Введение .....	3
1. Социально-культурные и общенаучные предпосылки становления и развития отечественной психологии конца XIX – начала XX века.....	5
2. СЕЧЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ: основание экспериментального подхода в психологии .....	9
3. БЕХТЕРЕВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ: вклад в экспериментальную психологию, психологию личности .....	19
4. ПАВЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ: роль психофизиологических работ в развитии психологии .....	37
5. УХТОМСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ: изучение физиологических основ поведения.....	52
6. КАЩЕНКО ВСЕВОЛОД ПЕТРОВИЧ: создание коррекционной психологии и педагогики .....	60
7. ГАННУШКИН ПЕТР БОРИСОВИЧ: разработка области «малой психиатрии» .....	67
8. ЛЕСГАФТ ПЕТР ФРАНЦЕВИЧ: концепция об умственном и физическом развитии личности .....	73
Список литературы.....	79

---

Учебное издание  
Мехтиханова Наталья Николаевна

**История отечественной психологии  
конца XIX – начала XX века  
(вклад врачей-физиологов и психиатров  
в становление психологической науки)**

Текст лекций

Редактор, корректор А.А. Аладьева  
Компьютерная верстка Е.Л. Шелеховой

Подписано в печать .12.2006 г. Формат 60х84/16. Бумага тип.  
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. 3,9. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.  
Ярославский государственный университет.  
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано  
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.  
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф.37 тел.(4852) 73-35-03